

Лингвокриминалистика

Избранные статьи 2006-2012

Содержание

Оскорбление и неприличная языковая форма как предмет лингвистической экспертизы (бытовое и юридическое понимание)	2006	с.2
О понятии «неприличная форма высказывания» и «неприличная лексика»	2008	с.12
Об одной лингвистической проблеме фиксации показаний допрашиваемого в уголовном судопроизводстве	2008	с.16
Лингвокриминалистический анализ текста заявления, выполненного в жанре «крик души»	2009	с.24
Обидное ли слово <i>мент</i> ?	2011	с.29
Некоторые вопросы уголовно-правовой квалификации оскорбления	2011	с.33
Дискуссионные проблемы лингвистической экспертизы текстов рекламы	2012	с.42
Жанр «слухи» в современных СМИ	2012	с.50
<i>Откат</i> и <i>взятка</i> : семантический и юридический подходы	2012	с.58
Метод аппликации ментальных схем в выявлении скрытого смысла высказывания (по материалам лингвистической экспертизы текста)	2012	с.63

Оскорбление и неприличная языковая форма как предмет лингвистической экспертизы (бытовое и юридическое понимание)

Юрислингвистика, основоположником которой в отечественной науке является проф. Н.Д.Голев, постоянно сталкивается с теоретической проблемой установления неприличной языковой формы выражения мысли, что крайне необходимо в ходе лингвистической экспертизы об оскорблении или умалении чести, достоинства и деловой репутации и что чаще всего выступает камнем преткновения в экспертизе и предметом дискуссии в суде.

Рассмотрим некоторые существенные для проведения такой экспертизы понятия.

Для проведения экспертизы по иску об оскорблении, умалении чести, достоинства и деловой репутации лингвист-эксперт в ходе экспертизы должен последовательно установить следующее:

1. Присутствуют ли в тексте негативные высказывания о лице, то есть высказывания, негативно его характеризующие;
2. Адресованы ли эти высказывания лично лицу;
3. Дают ли негативные высказывания обобщенную характеристику лицу как личности;
4. Являются ли негативные высказывания оскорбительными для лица по содержанию;
5. Имеют ли анализируемые высказывания неприличную языковую форму;
6. Высказано ли оскорбление публично (опубликовано в печати, зафиксировано в телевизионном выступлении, в речи на митинге, собрании, используется в официальном письменном обращении или документе в адрес официальной организации и т.д.).

Лингвистическое заключение о наличии в тексте оскорбления возможно только при наличии всех шести лингвистических признаков оскорбления.

Однако есть седьмой и восьмой признаки унижения достоинства и оскорбления, который лингвист-эксперт установить не может:

7. Соответствуют ли порочащие лицо сведения действительности?
8. Имелся ли у автора высказываний прямой умысел на оскорбление лица при подготовке и публикации текста (Цена слова 2002, с. 340).

Проведение лингвистической экспертизы по шести первым вопросам вызывает на практике многочисленные затруднения, связанные с разным толкованием используемых в ходе анализа понятий. Рассмотрим эти понятия последовательно по каждому вопросу.

1. Присутствуют ли в тексте негативные высказывания о лице, то есть высказывания, негативно его характеризующие.

Негативные высказывания – это высказывания, несущие негативную информацию. «Негативная информация – это сведения, которые содержат отрицательную характеристику лица - юридического или физического - с точки зрения здравого смысла, морали, («неписаного закона») или с правовой точки зрения (в той мере, в которой это может понимать любой дееспособный гражданин, не имея специальных познаний в области юриспруденции)» (Цена слова. Из практики лингвистических экспертиз текстов СМИ в судебных процессах по защите чести, достоинства и деловой

репутации. Изд. 3. М., 2002, с.200). Добавим, что негативные высказывания могут давать физическую, психологическую, интеллектуальную и др. характеристику лица.

Негативная информация в тексте может быть выражена в следующих формах: утверждение; мнение (в том числе предположение), оценка.

2. Адресованы ли негативные высказывания лично лицу.

Негативные высказывания должны быть адресованы конкретному человеку и давать характеристику именно ему.

3. Характеризуют ли негативные высказывания лицо в целом, обобщенно, как личность.

Важным признаком оскорбительности языковой формы, по мнению специалистов, является использование оскорбительного выражения для характеристики человека в целом (мерзавец, сволочь, подлец, шлюха и др., включая нецензурные), когда языковая форма характеризует не отдельные поступки или слова данного человека (сбежал как шлюха, поступил как трус), а его в целом как личность (Цена слова. М., 2002, с. 340).

4. Являются ли негативные высказывания оскорбительными для лица по содержанию.

Оскорбление (согласно ст.130 УК РФ) определяется как «унижение чести и достоинства другого лица, выраженное в неприличной форме».

Оскорбление, таким образом, производное понятие от *унижения чести и достоинства*: унижение чести и достоинства человека в неприличной форме квалифицируется как *оскорбление*.

Эксперту необходимо установить, содержатся ли в спорном тексте выраженные в языковой форме сведения, которые унижают честь и достоинство или умаляют деловую репутацию физического или юридического лица, и выражены ли эти сведения в неприличной форме.

Унизить - задеть, оскорбить чье-л. самолюбие, достоинство, поставить в унизительное положение // Умалить, принизить чьи-либо заслуги, роль, значение (БТС под ред. С.А.Кузнецова, СПб, 1998, с. 1389).

Унижение какого-либо лица в указанном смысле проявляется в публичном, действием или словом, понижении общественного статуса этого лица, публичной демонстрации его более низкого, чем в действительности, социального статуса (например, прямое или косвенное утверждение о принадлежности лица к социально или культурно низшим или общественно осуждаемым социальным слоям).

Унижение чести и достоинства человека включает (согласно ст. 152 ГК РФ) следующие признаки:

1. Распространяемые негативные сведения не соответствуют действительности;
2. Негативные сведения относятся к конкретному лицу либо организации;
3. Негативные сведения носят фактологический характер;

4. Негативные сведения (факты) носят порочащий лицо характер, т.е. указывают на совершение лицом аморальных, противоправных деяний в быту, на службе.

Установление соответствия распространяемых сведений действительности находится вне компетенции лингвиста, и это устанавливает суд. Остальные признаки оскорбления устанавливает эксперт-лингвист.

Отнесенность тех или иных сведений к конкретному лицу или организации устанавливается лингвистом в ходе анализа текста методами контекстуального анализа.

Фактологический характер сведений устанавливается лингвистом в ходе анализа содержания и языковой формы высказываний в тексте.

Сведения о лице носят фактологический характер, являясь утверждениями о фактах, выраженными повествовательными утвердительными или отрицательными предложениями.

Фактологические сведения в процессе экспертизы должны ограничиваться от суждений, мнений, оценок.

Высказывания, носящие оценочный характер (критическое мнение, отрицательная оценка, если они не носят оскорбительного характера), не являются предметом правового регулирования, т. к. не образуют состава ни уголовного, ни гражданско-правового правонарушения. Каждый имеет право на собственное мнение, которое гарантировано п. 1 ст. 29 Конституции РФ. Никто не может быть принужден к изменению своего мнения (п. 3 ст. 29 Конституции РФ).

Порочащий характер сведений устанавливается лингвистом в ходе анализа содержания и формы высказываний в адрес того или иного лица.

Установление порочащего характера сообщаемых о лице сведений осуществляется через анализ содержания высказываний в адрес данного лица и выявление высказываний, содержащих в прямой или косвенной форме утверждения о нарушении лицом правовых или моральных норм.

«Пленум Верховного суда РФ от 18.08.1992 (с последующими изменениями) разъяснил, что порочащими являются не соответствующие действительности сведения, содержащие утверждения о нарушении гражданином или юридическим лицом действующего законодательства или моральных принципов (о совершении нечестного поступка, неправильном поведении в трудовом коллективе, в быту и другие сведения, порочащие производственно-хозяйственную и общественную деятельность, деловую репутацию и т.п.), которые умаляют честь и достоинство гражданина либо деловую репутацию гражданина или юридического лица» (Т.Губаева, М.Муратов, Ю.Пантелеев. Экспертиза по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации // Российская юстиция. - 2002 - № 4.- С. 64).

Для того, чтобы можно было признать порочащими те или иные сведения, относящиеся к тому или иному лицу, необходимо, чтобы в тексте содержалась в форме утверждений информация о совершении непосредственно данным лицом какого-либо действия (или бездействия), осуждаемого как правонарушение или аморальный поступок.

5. Имеют ли анализируемые высказывания неприличную языковую форму.

Поскольку оскорблением в юридическом смысле считается «унижение чести и достоинства другого лица, выраженное в неприличной форме», необходимо лингвистическое толкование понятия «неприличная форма» (ст.130 УК РФ).

Необходимо различать *обыденное* и *юридическое* понятие *неприличности* (*неприличия*), *непристойности*.

Обыденное понятие неприличности (непристойности)

В современном толковом словаре русского языка значения интересующих нас слов представлены следующим образом:

Неприличие – отсутствие правил приличия; неприличный поступок, действие, поведение. *Груб до неприличия. Счесть за неприличие; посчитать что-нибудь неприличием* (неприличным) (БТС, с. 635).

Неприлично 1. нареч. к Неприличный. *Вести себя неприлично. Неприлично выругаться.* 2. в функц. сказ. *Женщине неприлично идти в ресторан одной. Показать в таком виде неприлично* (БТС, с. 635).

Неприличность 1. к Неприличный. *Неприличность выражения, анекдота.* 2. разг. Неприличные, непристойные слова или жесты, поступки. *Говорить всякие неприличности* (БТС, с. 635).

Неприличный 1. Не соответствующий, противоречащий правилам приличия, хорошего тона, непристойный. *Неприличное любопытство. Неприличные манеры. Неприличный тон.* 2. Не соблюдающий правил приличия; неблаговоспитанный. *Неприличная компания* (БТС, с. 635).

Непристойный – крайне неприличный, предосудительный. *Непристойное поведение. Непристойный спор. Непристойное любопытство. Непристойным считается не уступить женщине места.* (БТС, с 636).

Непристойность 1. к *Непристойный*. *Непристойность замечания, поведения.* 2. *Непристойные слова, жесты и т.п. Сказать непристойность. Смеяться над непристойностями.* (БТС, с. 636).

Анализ словарных дефиниций показывает, что в словаре слово *неприличный* синонимично слову *непристойный*, а разница между значениями слов *неприличный* и *непристойный* - в степени усиления признака неприличия: *непристойный* - это *крайне неприличный*, есть усиление. Более употребительно в русском языке и более привычно для носителей русского языка в повседневном общении слово *неприличный*.

Общим для обоих слов являются смысловые компоненты «не соответствующий, противоречащий правилам приличия, хорошего тона» и компонент «предосудительность» - ср.: «**Непристойный** - крайне **неприличный, предосудительный**», указывающий на то, что общественное сознание осуждает неприличие и непристойность.

Таким образом, в русском языке обыденное, нетерминологическое значение слов *неприличный* и *непристойный* может быть сформулировано следующим образом:

неприличный - 1. Предосудительный в силу противоречия правилам приличия, хорошего тона (*неприличное поведение, неприличное выражение*),

непристойный - 1. Предосудительный в силу крайнего противоречия правилам приличия, хорошего тона (*непристойное поведение, непристойное выражение*).

Эти значения, таким образом, относятся как к поведению людей, так и к их речи.

Слова *неприличный, непристойный* имеют и вторые значения, которые у них также совпадают:

неприличный - 2. Неблаговоспитанный, не знающий правил приличного поведения и общения, некультурно ведущий себя (*Неприличная компания. Женщине неприлично идти в ресторан одной. Показать в таком виде неприлично. Неприлично отталкивать женщину*),

непристойный - 2. Неблаговоспитанный, не знающий правил приличного поведения и общения, крайне некультурно ведущий себя (*Непристойным считается не уступить женщине места. Непристойное любопытство. Непристойные манеры*).

Эти значения характеризуют поведение человека и к анализу речевых форм не имеют отношения.

Таким образом, выражения *непристойный* и *неприличный* отличаются степенью выраженности признака: *непристойный* - это *крайне неприличный*. Именно в этом смысле их необходимо различать.

Неприличным (непристойным) может быть как языковое выражение, так и поступок или действие. Поскольку лингвиста-эксперта интересуют языковые факты, в дальнейшем сосредоточимся на анализе признаков неприличия языковых выражений.

Неприличная языковая форма

Неприличным (непристойным) может быть как форма языкового высказывания (использование неприличных, непристойных слов и выражений - ср.: *непристойность выражения, неприличные слова, неприличное выражение, непристойно выругаться*), так и содержание высказывания (*неприличный анекдот, говорить всякие неприличности, сказать непристойность, смеяться над непристойностями*).

Неприличие содержания высказывания

Неприличие (непристойность) содержания - это нарушение тематических табу в общении, затрагивание и обсуждение тем, которые в обществе нравственно запрещены к общественному публичному обсуждению (секс, физиологические процессы организма, телесный низ и под.).

Неприличие формы высказывания

Неприличная форма высказывания – это облечение смысла в неприличные (непристойные) выражения, резко, то есть грубо нарушающие принятые в обществе нормы культуры речи и культуры общения. Для обыденного сознания неприличными являются как грубые (морда, жопа, просрать), так и нецензурные слова и выражения, то есть вся ненормативная лексика.

Лексика и фразеология делятся на *нормативную* (допустимую как в устной, так и в письменной речи, в публичном общении, СМИ) и *ненормативную* (находящуюся за пределами норм литературного языка, которая рассматривается обществом как недопустимая в публичном употреблении, в средствах массовой информации).

Таким образом, основное различие нормативной и ненормативной лексики – в допустимости ее *публичного употребления*: нормативная допустима, ненормативная недопустима в публичном употреблении.

Нормативная лексика делится на литературную (*говорить, читать, президент, парламент, хлеб, окно, бежать, просить, общение* и т.д.) и разговорную – уместную в устной речи, неформальном общении, но неуместную в письменной речи (*отдуться за кого-то, напрягаться, бедокурить, безалаберный, вызволить, галиматья, журить, лебезить, морочить, влипнуть, шлёпнуться, простыть, получка, напрочь, бездарь, наезжать* и т.д.). У разговорной лексики есть своя норма - она уместна только в непринужденном устном общении, вне публичной сферы.

Ненормативная лексика и фразеология тоже делится на два разряда:

грубая (синоним - неприличная) - просторечная, грубо просторечная, вульгарная: блевать, жопа, говнюк, просрать, лизать жопу, засранец и под.; публичное употребление этих слов запрещается, но иногда допускается «между своими» в состоянии эмоционального напряжения;

нецензурная (синоним - непристойная) - недопустима ни в каких общественных ситуациях, а использование ее является вызывающим нарушением общественной нравственности.

Ненормативная лексика исключена моральным запретом общества из публичного употребления, при этом в некоторых ситуациях допускается в узком кругу общающихся, нецензурная же вообще исключается из употребления, допускается только «себе под нос».

Таким образом, *неприличная* лексика - это лексика *грубая, нецензурная* лексика - это лексика *непристойная* (то есть *крайне неприличная*).

Между этими разрядами, разумеется, нет четкой грани, но в большинстве случаев граница может быть проведена, а нецензурные слова в юридических целях в принципе должны быть заданы законодателем списком.

Если оскорбительное по содержанию выражение имеет литературную или разговорную форму выражения, эта форма не может быть признана неприличной, она остается в разряде нормативной лексики. В этом случае истца может оскорблять содержание (если оно не соответствует действительности), но не форма. Использование нормативной лексики в негативных высказываниях не подлежит правовому регулированию.

Из ненормативной лексики использование *грубой* (просторечная, грубо просторечная, вульгарная) также не подлежит правовому регулированию. Если высказывание имеет *грубую* форму выражения, мысль выражена *грубой* лексикой и

фразеологией, ее использование негативно характеризует уровень культуры говорящего, свидетельствует прежде всего о низкой культуре говорящего, примитивности его речевой культуры и его асоциальном поведении, но сама эта форма при этом не может быть юридически квалифицирована как неприличная, оставаясь в разряде *грубой*. В лингвистическом смысле это употребление *неприлично*, но не *непристойно*. Грубое, неприличное словоупотребление подлежит моральному осуждению, но не является предметом правового регулирования.

Публичное употребление грубой лексики, как устное, так и письменное (например, в СМИ, в художественной литературе), недопустимо как нарушение морального общественного запрета на публичное использование грубой лексики. В устной же речи «между своими» она в определенных ситуациях может быть употреблена.

Правовому регулированию подлежит употребление в адрес конкретного человека непристойных (нецензурных) языковых форм. Подобное употребление имеет признаки оскорбления в юридическом смысле слова.

Отметим, что возможна и такая ситуация: некто употребляет в своей речи в общественном месте, в чьем-либо присутствии непристойные (нецензурные) выражения.

Если непристойная форма не адресована конкретному лицу – это мелкое хулиганство, такое словоупотребление негативно характеризует говорящего и оскорбляет окружающих фактом своего употребления, которое не допускается в общественном месте. В случае публичного употребления нецензурной лексики говорящий может быть подвергнут административному штрафу как за мелкое хулиганство (оскорбление общественной нравственности, но не конкретного лица); при этом во многих случаях ему не может быть предъявлено обвинение в оскорблении конкретного собеседника. За нецензурные выражения в общественном месте положен штраф, это оскорбляет общественную нравственность, но подлежит только административной ответственности.

Таким образом, если порочащее человека *по содержанию* выражение имеет нормативную - *литературную или разговорную* – форму выражения, эта форма не может быть признана оскорбительной, поскольку она остается в разряде нормативной, хотя разговорные словоупотребления и могут выглядеть стилистически неуместными в конкретном тексте. В таком случае нет лингвистических и юридических оснований говорить о наличии в спорном тексте оскорбления.

Если выражение, оскорбительное по содержанию, имеет *грубую* форму выражения, оно нарушает моральный запрет на публичное употребление грубой лексики, но тоже не является неприличным (непристойным) и не подлежит правовому регулированию.

Если выражение содержит *нецензурные* слова, оно однозначно признается непристойной формой выражения мысли.

Подчеркнем, что для бытового сознания неприличными или непристойными в равной мере считаются как грубые, так и нецензурные выражения.

В обыденном языковом сознании, в бытовом, повседневном, нетерминологическом смысле, выражения *неприличная, непристойная, ненормативная лексика* выступают для носителей русского языка как синонимы; для обыденного сознания в равной степени неприличной считается вся ненормативная лексика - и грубые, и нецензурные слова. В связи с этим, руководствуясь своим языковым сознанием, любой носитель языка, в отношении которого была употреблена ненормативная лексика (независимо, грубая или нецензурная), может посчитать, что она *неприлична (непристойна)* и что он в результате *оскорблен неприличной языковой формой такого высказывания*. С точки зрения обыденного сознания он прав (см. значение 1 слов *неприличный* и *непристойный*), но с юридической точки зрения - нет.

В юридическом смысле понятие *неприличная языковая форма* - это наличие высказываний в адрес истца, содержащих *непристойную лексику и фразеологию*, то есть *нецензурные слова и выражения*, которые оскорбляют общественную мораль, нарушают нормы общественных приличий. Грубая лексика «юридически» не входит в понятие «неприличной формы выражения»: «Обязательным признаком объективной стороны преступления (оскорбления – И.С.) является способ унижения чести и достоинства другого человека - **неприличная** (т. е. откровенно циничная, резко противоречащая принятой в обществе манере общения между людьми) форма. **Таковы, например, нецензурные выражения** (выд. мною - И.С.), циничные прикосновения к телу, плевков в лицо, срывание одежды с интимных частей тела» (Словарь по уголовному праву / Отв. ред. зав. Сектором уголовного права и криминологии Института государства и права Российской Академии наук РФ, проф., д-р юр. наук А.В. Наумов. - М.: Издательство БСЭ, 1997).

Таким образом, юридическое понимание неприличной языковой формы достаточно однозначно: это негативная характеристика лица с использованием непристойных, то есть нецензурных слов и выражений.

С юридической точки зрения оскорбительной языковой формой является только форма нецензурная (непристойная).

Но чтобы за использование нецензурных выражений юридически осудить или наказать человека, необходимо, чтобы был удовлетворен еще ряд условий. Специалистами справедливо подчеркивается, что само по себе употребление непристойных слов и выражений «еще не дает оснований для правового вмешательства. Оно возможно и правомерно только в тех случаях, когда:

а) прямо адресовано конкретному лицу или группе лиц;
 б) при этом имеет место прямой умысел на оскорбление;
 в) инвективная (т.е. предназначенная для оскорбления – И.С.) лексика характеризует не отдельные поступки или слова данного человека, а в целом его как личность, т.е. дается обобщенная оценка его личности» (Цена слова 2002, с. 340).

г) выражение употреблено публично (введение этого параметра представляется нам существенным - И.С.).

Бытовое и юридическое понимание оскорбления

Необходимо также различать бытовое и юридическое понимание оскорбления.

Бытовое сознание часто не различает *обиду* и *оскорбление*. Обидеться в принципе человек может на что угодно.

«*Обида* – с точки зрения обиженного: несправедливо причиненное огорчение, а также чувство, вызванное таким огорчением. Так как в судебном разбирательстве устанавливается истина, а не справедливость, то обида не может являться предметом обсуждения при анализе спорного текста. Кроме того, истец очень часто смешивает обиду с критикой (т.е. рассматривает критику как нанесение обиды - И.С.). К обидной относится информация о физических качествах лица (кривоногий, лысый, маленький; противный голос, короткие пальцы), его бытовых привычках (ходит в рваных штанах, ходит в затрепанном халате), его речевой манере (глотает слова, говорит невнятно, во рту каша), его манере одеваться (аляповато одевается, о женщине в возрасте: одевается, как подросток), его поведение с противоположным полом (меняет женщин, как перчатки; о незамужней женщине: у нее куча любовников) (Памятка по вопросам назначения судебной лингвистической экспертизы. Для судей, следователей, дознавателей, прокуроров, экспертов, адвокатов и юрисконсульттов (Под ред. проф. М.В.Горбаневского. - М.: «Медя», 2004. С. 29-39).

В Большом толковом словаре русского языка под ред. С.А. Кузнецова *обида* определяется более широко, как «оскорбление, огорчение, причиненное кому-либо несправедливо, незаслуженно; чувство, вызванное этим оскорблением, огорчением» (БТС 1998, с. 668). Данное определение в большей степени соответствует современному значению слова «обида» в русском языке. Кроме того, подчеркнем, что обида основывается на индивидуальной субъективной негативной эмоционально-психологической реакции на слова собеседника, так что обида может быть нанесена и оскорблением, и обвинением, и клеветой, и сравнением, и оценкой, и просто характеристикой, констатацией некоторого факта.

Таким образом, обида есть индивидуальная субъективная негативная эмоционально-психологическая реакция человека на сообщение о нем негативной информации.

Любой человек, испытавший обиду в связи с критикой или замечанием в свой адрес, может легко воспринять ее как унижение или оскорбление – это его субъективная реакция. Человек оскорбляется (в бытовом смысле), то есть считает, что в его адрес произнесено оскорбление, если к нему лично обращены или при нем произнесены грубые или нецензурные слова, нарушены нормы вежливости, проявлено неуважение к его статусу и положению. Человек может посчитать себя оскорбленным в результате «резкой отрицательной оценки лица,.... которая имеет целью подчеркнуть неполноценность, ущербность лица-адресата и/или его несоответствие функциям, положению и др.» (Цена слова, с.199).

В бытовом смысле как оскорбление воспринимаются человеком негативные высказывания о нем, содержащие такую его характеристику, с которой данный человек субъективно не согласен (дылда, урод, калека, размазня, псих, сопляк, дурак, придурок, жирный) или эта характеристика понижает его общественный статус (фамильярное обращение на ты, нарушение норм вежливости, неуважительное общение, употребление при нем или в его адрес грубых или нецензурных слов). В бытовом смысле все это воспринимается как оскорбление, человек чувствует себя оскорбленным, хотя с юридической точки зрения в данном случае признаков оскорбления нет – нет порочащих моральные или деловые качества сведений, как нет и неприличной (непристойной) языковой формы выражения мысли.

Таким образом, бытовое сознание отождествляет *оскорбление* с нанесением *обиды*. Некоторые люди могут обижаться на совершенно невинные высказывания в свой адрес, на то, на что другие никогда не обиделись бы.

Именно в связи с этим человек может обратиться в суд с иском о нанесении ему оскорбления, исходя из субъективно-бытового понимания термина «оскорбления» как обиды; суд же будет анализировать проблему с юридической точки зрения и искать в действиях обвиняемого юридические признаки оскорбления, каковых может не быть. В результате сам потерпевший будет недоволен решением суда, отказавшегося признать юридический факт оскорбления; он и общественное мнение будут недовольны заключением эксперта, не нашедшего юридических признаков оскорбления (как в случае с Ф.Киркоровым), но юридически решение будет безупречным.

Бытовое понимание оскорбления – это *намеренное нанесение сильной обиды человеку*. Но если обида нанесена ненамеренно или обидные для кого-то слова в действительности справедливы (например, человека называли растяпой, а он действительно растяпа), для человека, который обиделся, это, как правило, не имеет значения и он может *считать себя оскорбленным*.

Принципиальным отличием обиды от унижения и тем более от оскорбления является ее индивидуальный субъективный эмоционально-психологический характер, необязательность для обиды факта реального унижения личности и факультативность (необязательность) оскорбительной языковой формы.

Однако *бытовое* понятие оскорбления не является оскорблением *юридически*, если не характеризует личность негативно с моральной стороны и не выражено в непристойной форме.

Принципиально важно следующее: если нанесение человеку оскорбления или клевета в его адрес может явиться предметом правового вмешательства, то нанесение обиды правовому вмешательству не подлежит.

Существенным для экспертизы выводом следует признать следующее: если нанесение человеку оскорбления может явиться предметом правового вмешательства, то нанесение обиды правовому вмешательству не подлежит. Важно в таких случаях информировать общественное мнение о различии между нанесением оскорбления и нанесением обиды и разницей в отношении к ним закона.

6. Выказано ли оскорбление публично.

Публичным выражением мысли являются такие ситуации как: опубликовано в печати, зафиксировано в телевизионном выступлении, произнесено на митинге, собрании, произнесено в общественном месте в присутствии других (кроме адресата) людей, использовано в официальном письменном обращении к официальному лицу или документе в адрес официальной организации и т.д.

Лингвистическое заключение о наличии в тексте оскорбления возможно только при наличии всех шести лингвистических признаков оскорбления.

Седьмой и восьмой признаки оскорбления, который лингвист-эксперт установить не может:

7. соответствуют ли порочащие лица сведения действительности?

8. имелся ли у автора высказываний прямой умысел на оскорбление лица при подготовке и публикации текста (Цена слова 2002, с. 340).

Данные обстоятельства может установить только суд при изучении обстоятельств дела.

Таким образом, лингвистическая экспертиза может своими методами установить семь из девяти диагностических признаков словесного публичного оскорбления, и поэтому именно эти семь параметров подлежат лингвистической экспертизе. Окончательное же решение о наличии оскорбления принимает суд, установив соответствие /несоответствие фактов действительности и умысленность или неумысленность оскорбления истца ответчиком.

Рассмотрим конкретный пример – участник судебного заседания после оглашения приговора в судебном заседании назвал судью идиотом: «Судья - идиот!», сказал он, выходя из зала заседания.

Является ли это выражение оскорблением судьи?

Рассмотрим последовательно выделенные выше лингвистические признаки оскорбления.

1. *Присутствуют ли в тексте негативные высказывания о лице, то есть высказывания, негативно его характеризующие?*

Судья – идиот – негативное высказывание, оно сообщает о судье негативную информацию.

2. *Адресовано ли эти высказывания лично судье?*

Нет, оно лично судье оно не адресовано, характеризует его косвенно, будучи произнесено в качестве оценки в зале судебного заседания после завершения слушания дела.

3. *Характеризует ли негативное высказывания лицо в целом, обобщенно, как личность?*

Да, выражение является обобщающей характеристикой.

4. *Является ли эти негативное высказывание оскорбительным для судьи по содержанию?*

Оскорбление – это унижение лица в непристойной языковой форме (см. выше).

Анализируемое выражение наносит судье обиду, унижает его: применительно к нему публично использовано бранное слово (инвектива), а брань морально осуждается общественным сознанием; явно нарушены нормы вежливости (резкое неодобрение публично использовано в адрес статусного, высокопоставленного лица). Таким образом, подсудимый публично, в общественном месте, понизил общественный и профессиональный статус судьи, что является для судьи унижением. Публичное унижение наносит судье обиду.

Однако при этом анализируемое высказывание не является оскорблением судьи, поскольку оно по содержанию не содержит порочащей судью информации, оно представляет собой субъективное оценочное мнение, а не утверждение о моральных изъянах судьи или нарушении им законодательства (см. выше, пункт 2),

5. *Имеет ли анализируемое негативное высказывания неприличную языковую форму?*

Слово *идиот* - это стилистически разговорное слово, оно не принадлежит к ненормативной лексике и не является нецензурным (непристойным) и, следовательно, не имеет статуса оскорбительной языковой формы в юридическом смысле слова.

6. *Высказано ли оскорбление публично?*

Выражение употреблено в общественном месте - в суде, то есть публично.

Таким образом, спорное высказывание имеет только три признака из шести, позволяющих говорить об оскорблении, причем отсутствуют как раз основные признаки; все необходимые дифференциальные признаки оскорбления в своей совокупности не представлены.

В связи с этим с юридической точки зрения высказывание «Судья-идиот» не выступает как оскорбление судьи.

Подчеркнем, что суд в принципе должен установить намеренность нанесения оскорбления (а лингвистических признаков оскорбления нет) и соответствие порочащих сведений действительности (а порочащих сведений в данном высказывании нет). Таким образом, в суде дело по оскорблению судьи по данному случаю судебной перспективы иметь не будет.

Таким образом, понятия *неприличная языковая форма* и *оскорбление* с точки зрения бытового сознания и с юридической точки зрения – разные понятия, что необходимо разъяснять истцам и ответчикам по делам об оскорблении, о защите чести и достоинства, и учитывать при подготовке лингвистических экспертиз.

«Цена слова». Из практики лингвистических экспертиз текстов СМИ в судебных процессах по защите чести, достоинства и деловой репутации». / Под ред. проф.М.В.Горбаневского. Изд.3, испр. и доп. М.: «Галерея», 2002.

Большой толковый словарь русского языка. / Под ред.С.А.Кузнецова. СПб, «Норинт», 1998.

Галяшина Е., Горбаневский М., Стернин И. Лингвистические признаки диффамации в теории и практике судебных лингвистических экспертиз. / Взгляд. 1(6). М., 2005. С. 24-40.

Губаева Т., Муратов М, Пантелеев Б.. Экспертиза по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации. // Российская юстиция.- № 4 .- 2002. С.64-65.

Памятка по вопросам назначения судебной лингвистической экспертизы. Для судей, следователей, дознавателей, прокуроров, экспертов, адвокатов и юрисконсульттов.. /Под ред. проф. М.В.Горбаневского.- М.: «Медея», 2004.104 с.

Понятие чести и достоинства, оскорбления и ненормативности в текстах права и средств массовой информации. Сост. А.А. Леонтьев, В.Н. Базылев, Ю.А. Бельчиков, Ю.А. Сорокин, ред. А.Р. Ратинов. М., 1997.

Постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации № 3, г. Москва, 24 февраля 2005 г. «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц». / Взгляд. 1(6) , М., 2005, с.5-19.

Словарь по уголовному праву / Отв. ред. зав. сектором уголовного права и криминологии Института государства и права Российской Академии наук, проф., д-р юр. наук А.В. Наумов. М.: Издательство БСЭ, 1997.

Русский язык. Энциклопедия. / Гл.ред. Ю.Н.Караулов. - М.: «Большая Российская энциклопедия», издательский дом «Дрофа», 1997. 703 с.

Купина Н.А. Тоталитарный язык. Екатеринбург-Пермь, 1995.142 с.

Лингвистический энциклопедический словарь / Гл.ред. В.Н.Ярцева. М.: «Советская энциклопедия», 1990. 670 с.

*Опубликовано в:
Антропотекст -1.
Изд-во Томского университета, 2006.
С.339-353*

О понятиях «неприличная форма высказывания» и «нецензурная лексика»

При осуществлении лингвистической экспертизы по искам об оскорблении, защите чести, достоинства и деловой репутации важное значение имеет точное лингвистическое определение понятия «неприличная форма высказывания», которое является одной из важнейших составляющих юридического понятия оскорбление: оскорбление - «унижение чести и достоинства другого лица, выраженное в неприличной форме» (ст. 130 УК РФ).

Понятия неприличная лексика, неприличная форма выражения, нецензурная лексика, ненормативная лексика, грубая лексика, вульгарная лексика, инвективная лексика и под., используемые как в обыденном словоупотреблении, так и в лингвистической и юридической литературе, требуют уточнения применительно к бытовому, лингвистическому и юридическому пониманию, поскольку указанные понимания не совпадают (см. Стернин 2004; Галяшина, Горбаневский, Стернин 2005; Стернин 2006).

Для обыденного (бытового) и юридического аспекта проблемы важен морально-этический аспект анализа: понятия приличие, неприличие лежат в морально-этической плоскости общественного сознания. Поэтому классификация лексики и фразеологии на приличную и неприличную носит именно морально-этический характер.

Для лингвистики важен языковой аспект проблемы: какими объективными языковыми характеристиками, семантическими и функциональными особенностями должна обладать та или иная лексическая или фразеологическая единица, чтобы можно было определить ее статус как нецензурной, грубой, неприличной и под.

Морально-этический анализ словоупотребления должен основываться на объективном лексико-семантическом, то есть собственно лингвистическом анализе.

В функционально-семантическом плане лексика и фразеология любого языка делится на два основных функциональных пласта - нормативная и ненормативная.

Важно подчеркнуть, что вышеназванные понятия характеризуют функционирование языковых единиц в речи, отражают их восприятие носителями языка в определенных коммуникативных ситуациях, определенных контекстах. Нормативность и ненормативность тех или иных единиц языка не постоянные, раз и навсегда определенные характеристики соответствующих языковых единиц, а лишь определяемая семантикой этих единиц тенденция к тому, чтобы употреблять их как таковые: к примеру, одна и та же единица может оказаться в одних ситуациях ненормативной, а в других может не иметь такого статуса, поэтому принципиально важен контекст употребления ненормативной единицы.

Нормативный пласт лексико-фразеологической системы языка образуют литературная и разговорная лексика и фразеология - то есть такая, употребление которой соответствует принятым в обществе нормам литературной и разговорной речи.

Литературная лексика - это лексика, которую можно в равной мере использовать в письменной и устной речи. Разговорная лексика – лексика, уместная в устной речи, но неуместная, ощущаемая как инородная в письменной.

Если лексика и фразеология употребляются в соответствии с нормами литературной и разговорной речи, то такое словоупотребление с морально-этической точки зрения воспринимается общественным сознанием как приличное, а способ языкового выражения соответствующей информации при помощи приличной лексики может быть назван приличным. Таким образом, приличная лексика, приличная языковая форма выражения мысли - это использование нормативной (приличной) лексики и фразеологии.

Ненормативная лексика и фразеология - это функциональный пласт лексики и фразеологии, в языковом сознании общества и в общественном мнении рассматриваемый как содержащий единицы, подлежащие исключению из публичного употребления (то есть из употребления в общественных местах).

Общественное место - это территория публичного общения, то есть такая территория, на которой находится группа людей, в числе которых есть лица, не связанные с говорящим какими-либо личными отношениями и которые также являются участниками (реальными или потенциальными) или свидетелями общения. Другими словами, ненормативная лексика - это та, которую нельзя употреблять при свидетелях, «чужих» людях.

Среди ненормативной лексики языковое сознание достаточно рельефно выделяет три разряда - сниженную, бранную и нецензурную.

Сниженная лексика (сленг, жаргон, просторечие, вульгарная лексика) – это лексика, употребление которой в публичной сфере обычно признается неуместным, некультурным, и при этом негативно характеризующим прежде всего говорящего, уровень его речевой и общей культуры. Однако такие слова могут быть функционально уместны внутри определенных социальных, возрастных, территориальных, гендерных групп, межличностных сообществ (например, группа друзей, семья), а также в определенных коммуникативных ситуациях (например, в условиях общего эмоционального подъема группы общающихся или, наоборот, группового раздражения). Сленг, жаргон, просторечие свидетельствуют, прежде всего, о принадлежности использующего их человека к определенной социальной группе.

Существует неуместное использование языковых единиц, то есть такое, при котором слово или выражение, закрепленное языком для одной коммуникативной ситуации, используется в другой коммуникативной ситуации, в которой оно рассматривается общественным сознанием как неуместное. Например, книжная, высокая, терминологическая лексика уместна в письменной речи, но неуместна в устной; просторечные выражения могут быть уместны в бытовом разговоре «своих», но неуместны в публичной речи или в общественном месте; сленг и жаргон также уместны среди группы «своих», но неуместны в ситуации публичного общения и др.

Вульгарная лексика как компонент сниженной (пузо, харя, рожа, жопа, срать, плешь проели и под.) свидетельствует прежде всего о бескультурности говорящего. Она осуждается общественным сознанием, но не запрещена полностью; употребление таких единиц, как правило, вовсе не отражает намерения говорящего как-либо оскорбить или унижить адресата, оно мотивировано эмоциональным состоянием говорящего и отражает уровень его культуры, воспитанности.

Неуместное использование отдельными носителями языка в общении стилистически сниженных языковых единиц (просторечие, сленг, жаргон, вульгаризмы) может восприниматься окружающими, обладающими высоким уровнем

речевой и общей культуры, статусными людьми как словоупотребление, оскорбляющее их (использующие сниженные единицы в этой ситуации с точки зрения культурной или статусной личности ставят культурного человека вровень с собой, что и не принимается культурным человеком), хотя в юридическом смысле такое словоупотребление оскорбительным не является.

Неприемлемой в речи с точки зрения культуры речи (но не ненормативной) сниженную лексику делает не характер ее значения, а неуместность ее употребления в той или иной коммуникативной ситуации.

Бранная или инвективная лексика (прошу прощения за примеры - засранец, говно, дерьмо, козел, сволочь, сука и под.) содержит резкую обобщенную неодобрительную оценку объекта номинации - лица, явления, предмета. Применительно к человеку она может употребляться с намерением оскорбить или унижить адресата, а может использоваться и без такого намерения, использоваться безадресно, для спонтанного выброса эмоций.

Использование бранной лексики также осуждается общественным сознанием, но эти единицы не запрещены полностью: возможны ситуации, когда общественное сознание может оправдать их использование (например, в крайне эмоциональных ситуациях, в небольшом кругу «своих» и т.д.).

Нецензурная лексика - это предельно экспрессивная лексика (то есть яркие, обращающие на себя внимание слова, сразу выделяющиеся людьми из потока речи и выражающие сильную эмоцию говорящего), признающаяся на данном этапе развития языкового и общественного сознания народа абсолютно недопустимой в публичном общественном употреблении в любой форме устной или письменной речи и в любой коммуникативной ситуации. Нецензурная лексика может выражать как отрицательную, так и положительную оценку или эмоцию. Нецензурные слова в языке запрещены полностью, их диагностическая характеристика - тотальный запрет на общественное употребление в любой форме. Именно поэтому нарушение такого запрета производит столь сильное впечатление на окружающих.

При этом нецензурная лексика, также как и бранная, может иметь установку на оскорбление, а может и не иметь такой установки. Она тоже может использоваться безадресно, для спонтанного выброса эмоций, но это не снимает запрета на ее публичное употребление.

К нецензурной лексике в современном русском языке относятся четыре слова - нецензурные обозначения мужского и женского половых органов, нецензурное обозначение процесса совокупления и нецензурное обозначение женщины распутного поведения, а также все образованные от этих слов языковые единицы, то есть содержащиеся в своем составе данные корни.

На базе приведенной выше классификации представляется возможным определить понятие сквернословие. Сквернословие - это экспрессивные (то есть яркие, обращающие на себя внимание, выделяющиеся людьми из потока речи, выражающие сильную эмоцию) слова, относящиеся к неприличной лексике и фразеологии (бранная и нецензурная лексика). Сквернословие может осуществляться с намерением или без намерения оскорбить слушающего. К сквернословию не относится сленг, жаргонизмы, просторечная и вульгарная лексика.

Таким образом, в языковом употреблении выделяются:

нормативная лексика (литературная и разговорная),

ненормативная лексика, в составе которой выделяются сниженная (сленг, жаргон, просторечие, вульгаризмы), бранная и нецензурная лексика.

Сниженная лексика признается неуместной в публичном употреблении, но ее оценка осуществляется в аспекте культуры речи, она не оценивается в морально-этическом плане. Ее употребление осуждается как проявление, демонстрация низкой речевой культуры говорящего.

Бранная лексика общественным мнением рассматривается как подлежащая исключению из публичного употребления (то есть из употребления в общественных местах). Ее употребление допускается общественным сознанием только в узких коммуникативных сферах, среди близких людей. Если она употреблена публично, она осуждается обществом с морально-этической точки зрения.

Нецензурная лексика принципиально не допускается к употреблению при наличии слушателей и в любом виде устной и письменной речи. Нецензурная лексика в публичном употреблении однозначно осуждается с морально-этической точки зрения. Эти лексические единицы могут быть использованы говорящим только «себе под нос» или в отсутствие слушателей («в поле твоя воля» - русская народная поговорка).

Бранная и нецензурная лексика образуют в совокупности пласт грубой ненормативной лексики, которая с морально-этической точки зрения квалифицируется в употреблении как неприличная (грубость морально осуждается обществом), а выражение мысли при помощи неприличных языковых единиц создает неприличную языковую форму выражения мысли.

Таким образом, публично употребленная бранная и нецензурная лексика создает неприличную языковую форму выражения. В морально-этическом аспекте нормативная лексика квалифицируется как приличная.

Употребление сниженной лексики не характеризуются обществом с морально-нравственной стороны, а характеризуется лишь с точки зрения культуры речи (уместность, неуместность употребления).

Что же касается ненормативной лексики, то, как неприличная квалифицируется бранная и нецензурная лексика, то есть лексика, которая не допускается общественным сознанием в публичном употреблении. Сленг, жаргон, просторечие, вульгаризмы относятся к ненормативной лексике, но не к неприличной.

В какой степени неприличная языковая форма высказывания обуславливает его оскорбительный характер?

В юридическом смысле прямой связи здесь нет.

Неприличная языковая форма высказывания (определяемая через наличие в высказывании бранной и нецензурной лексики) автоматически не характеризует соответствующее высказывание как наносящее оскорбление адресату, унижающее его честь и достоинство. Неприличное языковое выражение в адрес кого-либо в юридическом смысле слова можно рассматривать как оскорбление данного человека только при соблюдении целого ряда дополнительных условий, удовлетворяющих юридическому толкованию понятия оскорбление – наличие умысла на оскорбление, обобщенность характеристики адресата, наличие негативной информации, фактологический характер сообщаемой информации, указание на нарушение закона или моральных норм и т.д.

Иными словами, факт сквернословия в адрес кого-либо еще не является доказательством того, что в данном случае налицо оскорбление адресата (унижение его чести и достоинства). Оскорбление еще необходимо доказать, установив путем анализа соответствующей коммуникативной ситуации целый ряд его признаков.

Неприличная языковая форма констатируется для любого случая публичного употребления бранных и нецензурных слов, что, однако не означает автоматически признания данного выражения оскорблением определенного лица, так как оскорбление предполагает целый ряд других диагностических признаков, кроме неприличной языковой формы.

Стернин И.А. Оскорбление в теории и практике судебных лингвистических экспертиз // Коммуникативные исследования 2004.- Воронеж, 2004.- С.191-199.

Стернин И.А. Оскорбление и неприличная языковая форма как предмет лингвистической экспертизы (бытовое и юридическое понимание) // Антропотекст -1.- Томск, 2006. - С.339-353.

*Опубликовано в:
Язык и национальное сознание. - Вып.10.
- Воронеж, 2008. - С.103-108*

О. Я. Баев

доктор юридических наук,
профессор, заслуженный деятель
науки РФ

И. А. Стернин

доктор филологических
наук, профессор, заслуженный
деятель науки РФ

Об одной лингвистической проблеме фиксации показаний допрашиваемого в уголовном судопроизводстве

Российское уголовно – процессуальное законодательство всегда уделяло особое внимание языку составляемых в судопроизводстве протоколов, в первую очередь, протоколов допроса. Это вполне объяснимо, ибо адекватность воспроизведения в них показаний допрашиваемых лиц во многом позволяет судить об объективности даваемых ими показаний. Повышенно это значимо, как известно, для оценки показаний, от которых допрашиваемые по тем или иным причинам впоследствии отказались (либо в существенной части их изменили).

И потому, оговорив, что показания свидетелей излагаются тем же порядком, как и показания обвиняемых, в отношении составления протокола допроса последних неслучайно Устав уголовного судопроизводства России 1864 г. указывал: «Показания обвиняемого записываются в первом лице собственными его словами без всяких изменений, пропусков и прибавлений. Слова и выражения простонародные, местные или не совсем понятые объясняются в скобках» (ст. 409).

«Показания и обвиняемых (и других допрашиваемых лиц – авт.) заносятся в протокол в первом лице и, по возможности, дословно», - указывалась в ст. 138 УПК РСФСР 1923г, в ст. ст. 151, 160 УПК РСФСР 1960 г.; это же требование содержит и ст. 190 действующего УПК.

И здесь, как показывает следственная и судебная практика, возникает ряд лингвистических проблем, одной из которых и посвящена данная статья.

В следственной, да и судебной практике встречаются уголовные дела, допрашиваемые по которым лица для сообщения своих показаний пользуются ненормативной лексикой, либо дословно воспроизводят нецензурные выражения, звучавшие при событии, об обстоятельствах которого они дают показания, либо в силу своих личностных особенностей не умеют иными словами выразить свои мысли.

На первый взгляд, кажется очевидным, что протокол допроса таких выражений содержать не должен, а потому, казалось бы, эту лингвистическую проблему легко разрешить, императивно законодательно запретив использование в материалах уголовного судопроизводства ненормативной лексики в принципе. Но все, думается

нам, несколько сложнее. В обоснование своей позиции воспользуемся материалами следственной и судебной практики.

Давая «признательные» показания о совершении ряда убийств пожилых женщин, сопряженных с изнасилованиями, умственно отсталый Сопов эти показания давал примитивным языком, потерпевших называл «бабушками», привычными для него словами он называл половой акт, семяизвержение, половые органы.

«Все это,- пишет следователь, расследовавший данное уголовное дело, - нашло отражение в протоколе. Было ясно, что он говорит не по подсказке»¹.

Практика сталкивается с ситуациями, в которых необходимость использования в протоколе допроса ненормативной лексики как бы обуславливается задачей объективизации показаний допрашиваемого, связанных с обстоятельствами совершения им преступления. А это, в свою очередь, предопределяет необходимость отражения этих обстоятельств в других процессуальных документах (в протоколах осмотров, заключениях экспертиз и т. п.).

Так, при осмотре кассового помещения по делу о краже со взломом был обнаружен закрепленный в пишущей машинке лист бумаги, на котором преступник напечатал различные непристойные выражения. В протоколе допроса признавшегося в совершении кражи подозреваемого следователь записал: «Я напечатал на стоявшей в кассе машинке нецензурную брань».

«В данном случае, - пишут И. И. Михайлов и Е. Е. Подголин, проанализировавшие этот пример, - существенное значение имела бы дословная передача в протоколе непристойных выражений»².

В следственной практике одного из авторов был случай, когда убийца «расписал» развешенные на стенах квартиры потерпевшего фотографии ряда известных людей с их посвящениями погибшему своими нецензурными комментариями.

Эти комментарии были подвергнуты сначала диагностическим, а затем и идентификационным почерковедческим экспертным исследованиям. Очевидно, что в заключениях экспертиз содержание исследуемых текстов воспроизводилось дословно.

Возможно это и было, как то считают выше названные авторы, неким тактическим просчетом (однако, к счастью, не сказавшимся на результатах судебного рассмотрения данного дела), тем не менее, допрашивая признавшегося убийцу, следователь также не счел уместным в протоколе полностью воспроизводить эти надписи на фотографиях, а ограничился записью, что он (допрашиваемый) «на развешенных по стенам фотографиях написал разные нецензурные выражения, отражающие мое к убитому отношение».

Иногда эта же проблема усугубляется самой конструкцией диспозиции нормы Уголовного Кодекса, по признакам нарушения которой возбуждено, расследуется или рассматривается уголовное дело, а потому производятся допросы тех или иных лиц (потерпевших, свидетелей, подозреваемых/обвиняемых).

Наиболее ярким примером этого является ст. 130 УК РФ, в которой неперенным признаком оскорбления признается не просто унижение чести и достоинства другого лица, а лишь выраженное в неприличной форме (выделено нами – авт.)³.

¹ Следственная практика. М. Вып. 3 (160), 2003, с. 28 – 29.

² Михайлов А. И., Подголин Е. Е. Указ. Соч., с. 51.

³ Такое же содержание законодатель вкладывает и в понятие «оскорбление военнослужащего» (ст. 336 УК РФ), ибо если «оскорбление нанесено на личной почве без всякой связи с исполнением служебных обязанностей, то виновный может быть привлечен к ответственности по правилам ст. 130 УК РФ, т. е. на общих основаниях» – Комментарий к Уголовному Кодексу Российской Федерации. Особенная часть / под

В ходе судебного разбирательства по уголовному делу по обвинению Нечаевой в совершении преступления потерпевшая Настина пояснила, что Нечаева публично грубо оскорбила ее. При этом на вопрос мирового судьи, какие выражения при этом употребляла обвиняемая, Настина заявила, что по этическим соображениям не может повторить их в зале суда. Тем не менее, судья настоял, чтобы Настина воспроизвела дословно то, что ей говорила Нечаева, разъяснив частному обвинителю указанное нами выше юридическое значение этих сведений. Ответ Настинной был точно зафиксирован в протоколе судебного заседания. Аналогичные показания по данному обстоятельству были получены впоследствии от свидетелей обвинения.

В тоже время, практика сталкивается и со случаями, когда оценка того, относится ли то или иное слово (или выражение) к нормативной (или ненормативной) лексике достаточно сложна и вызывает у правоприменителей острые, можно сказать, филологические дискуссии. Для иллюстрации этого положения воспроизведем полностью следующее судебное постановление (опустив, разумеется «установочные» данные конфликтующих по этому поводу должностных лиц).

«2. ...

04.02.2008 года

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

Судья ... районного суда Воронежской области ..., рассмотрев кассационное представление государственного обвинителя ... на частное постановление суда по уголовному делу по обвинению Безрукова В.И. по ст.ст.318, ч.1,319 УК РФ,

УСТАНОВИЛ:

23.01.2008 года в адрес ... межрайпрокурора и начальника ... МРСО СУ СК при прокуратуре РФ по Воронежской области по данному уголовному делу было вынесено частное постановление, одним из оснований которого было изложение следователем ... в протоколе допроса свидетеля Мазницына И.В. (л.д.44) показаний в нецензурной форме.

В своем кассационном представлении государственный обвинитель указывает на то, что все выражения в данном протоколе допроса являются цензурными и ссылаются при этом на Большой словарь русского языка составителя Кузнецова.

Между тем, суд в своем частном постановлении не счел возможным указать нецензурное выражение, употребленное следователем в протоколе допроса, в соответствии с общепринятыми допустимыми выражениями, т.е. литературными словами, которые изложены в Словаре русского языка С.И.Ожегова.

Государственный обвинитель в своем представлении утверждает, что данное слово является литературным, употребляемым для эмоционального усиления сказанного, но при этом, государственный обвинитель не называет этого слова, и поэтому невозможно понять, о каком слове идет речь, и дать ему оценку с точки зрения допустимости употребления в процессуальных документах. Поэтому считаю необходимым вернуть государственному обвинителю кассационное представление для пересоставления его в соответствии с требованиями ст.ст.375 ч1, 3, 363 ч.2 УПК РФ, и предложить государственному обвинителю указать в кассационном представлении, с его точки зрения, литературное, допустимое в процессуальном документе, слово, о котором идет речь.

Руководствуясь ст. 375 ч.1, 3, 363 ч.2 УПК РФ,

ПОСТАНОВИЛ:

Возвратить кассационное представление государственному обвинителю Галкину СВ. на частное постановление суда по уголовному делу по обвинению Безрукова В.И. по ст. ст.318 ч. 1, 319 УК РФ для пересоставления...

Судья...».

И в связи с этой, так отчетливо проявившейся в приведенном выше процессуальном акте, проблемой считаем необходимым высказать свое мнение по следующим вопросам:

1. Как составлять протокол допроса, если допрашиваемый выражается ненормативной лексикой;

2. Как оглашать нецензурные, вульгарные и грубые выражения лиц, допрашиваемых в судебном заседании;

3. Как отражать нецензурные, вульгарные и грубые выражения в протоколе судебного заседания и других его процессуальных документах.

Для обоснованного ответа на них необходимо, думается, прежде всего, определить понятие ненормативной лексики, которое в современной лингвистике определяются весьма противоречиво или вообще не определяются.

Стилистический анализ языковых единиц показывает, что в языковом употреблении выделяются:

нормативная лексика (литературная и разговорная), то есть лексика уместная (допустимая) как в устной, так и в письменной речи;

ненормативная лексика, в составе которой выделяются *сленг, жаргон, просторечие, вульгарная, бранная и нецензурная лексика*. Ненормативная лексика неуместна (недопустима) в письменной, а также в устной культурной речи.

Сленг, жаргон, просторечие признаются неуместными в публичном употреблении, но их оценка осуществляется в аспекте культуры речи, они не оцениваются в морально-этическом плане и не подлежат правовому регулированию. Их употребление расценивается общественным мнением как проявление говорящим низкой речевой культуры, что отражает недостаточное владение говорящим литературным языком, незнание литературных и разговорных синонимов единиц жаргона, сленга и просторечия, а также неумение говорящего учитывать коммуникативную ситуацию, изменять свое речевое поведение в ситуации, требующей использования культурной речи.

Вульгарная лексика также оценивается в аспекте культуры речи – ее употребление всегда сигнализирует прежде всего о низком уровне культуры речи, а также о низком общем культурном уровне говорящего, но ее использование в публичном употреблении расценивается уже как нарушение общественных правил, исключающих такие слова из публичного словоупотребления. Использование вульгарной лексики - нарушение определенных морально-этических норм общества - вульгарная лексика не допускается «в приличном обществе», так как оценивается как грубая, ее употребление – проявление грубости говорящего в отношении своих собеседников, пренебрежение ими, а пренебрежительное отношение к людям, грубость в отношениях людей и ее проявление в общении осуждается общественным мнением, общественной моралью.

Бранная лексика общественным мнением однозначно рассматривается как подлежащая исключению из публичного употребления (то есть из употребления в общественных местах). Ее употребление допускается общественным сознанием только в узких коммуникативных сферах, среди близких людей, и в адрес третьих лиц, а не собеседника. Публичное употребление бранной (инвективной) лексики осуждается обществом с морально-этической точки зрения.

Понятие *нецензурной лексики* толкуется в лингвистике, культуре речи особенно нечетко и субъективно. Нет ни одного списка нецензурной лексики и фразеологии, который сделала бы возможным анализ и атрибуцию нецензурной лексики в спорных случаях. Важность этого понятия для юридической сферы делает определение нецензурной лексики особенно необходимым. Такое определение должно удовлетворять как лингвистов, так и юристов, и должно позволять однозначно

определять принадлежность слова к сфере нецензурной лексики. При этом *нецензурная лексика* — лингвистический термин, а широко используемое в быту слово *мат* является его бытовым синонимом с достаточно размытым и преимущественно эмоциональным содержанием, не имеет четкого определения и не может быть рекомендовано для употребления в научной и юридической литературе.

Одним из авторов настоящей статьи в свое время было предложено следующее определение нецензурной лексики:

«Нецензурная лексика - это предельно экспрессивная лексика (то есть яркие, обращающие на себя внимание слова, сразу выделяющиеся людьми из потока речи и выражающие сильную эмоцию говорящего), признающаяся на данном этапе развития языкового и общественного сознания народа абсолютно недопустимой в публичном общественном употреблении в любой форме устной или письменной речи и в любой коммуникативной ситуации».

Нецензурная лексика может выражать как отрицательную, так и положительную оценку или эмоцию. Нецензурные слова в языке запрещены полностью, их диагностическая характеристика - тотальный запрет на общественное употребление в любой форме. Именно поэтому нарушение такого запрета производит столь сильное впечатление на окружающих. ...

К нецензурной лексике в современном русском языке относятся четыре слова - нецензурные обозначения мужского и женского половых органов, нецензурное обозначение процесса совокупления и нецензурное обозначение женщины распутного поведения, а также все образованные от этих слов языковые единицы, то есть содержащие в своем составе данные корни.

Важно, что *нецензурная лексика* принципиально не допускается в любом виде устной и письменной речи, она запрещается с морально-этической точки зрения в любых коммуникативных ситуациях. Эти лексические единицы могут быть использованы говорящим только «себе под нос» или в отсутствие слушателей («в поле твоя воля» - русская народная поговорка), но в любом публичном или межличностном акте общения нецензурная лексика запрещается общественным мнением полностью и без исключений.

Вульгарная, бранная и нецензурная лексика образуют в совокупности пласт *грубой* лексики, которая осуждается с морально-этической точки зрения, поскольку грубое, пренебрежительное в отношении окружающих поведение человека в обществе и словесное проявление грубого поведения (в употреблении грубых слов) морально осуждаются обществом, рассматриваются как проявление безнравственности. Таким образом, понятия *грубая лексика* и *ненормативная лексика* — синонимы, но *ненормативная лексика* — термин, а *грубая лексика* — оценочное межстилевое выражение, достаточно субъективное по содержанию. В юридических целях лучше использовать более точный термин *ненормативная лексика*.

Нормативная лексика в морально-этическом аспекте квалифицируется как *приличная*, то есть отвечающая нормам культуры речи. Таким образом, публично употребленная литературная или разговорная лексика является приличной.

Ненормативная (вульгарная, бранная и нецензурная) лексика в публичном употреблении является в таком случае *неприличной* и составляет «неприличную языковую форму» выражения мысли, что является юридически обязывающим признаком оскорбления.

Таким образом, *ненормативная, грубая и неприличная лексика* — синонимы. Лингвистическим термином является *ненормативная лексика*, юридическим — *неприличная* (языковая форма).

Однако только по признаку «неприличной языковой формы» то или иное языковое выражение не может быть квалифицировано как наносящее оскорбление, так как имеется еще много дополнительных диагностических признаков, которым

должно удовлетворять оскорбление в юридическом смысле как «унижение чести и достоинства лица, выраженное в неприличной форме».

Напомним при этом, что бранный, оскорбительный характер те или иные ненормативные языковые единицы и выражения актуализируют лишь в определенном конкретном контексте. Оскорбительный характер ненормативные лексические единицы будут иметь в том случае, если в данной коммуникативной ситуации они публично адресованы определенному, конкретному лицу, негативно характеризуют конкретное лицо – в противном случае они могут являться, например, просто выражением эмоции говорящего. Это относится в равной мере и к вульгарным, и к бранным, и к нецензурным выражениям.

Таким образом, ненормативная (синонимы - грубая, неприличная) лексика включает вульгарную, бранную и нецензурную.

Все ненормативные лексические единицы – это единицы экспрессивные, то есть яркие, обращающие на себя внимание, выделяющиеся людьми из потока речи, выражающие сильную эмоцию.

На базе приведенной выше классификации представляется возможным определить понятие *сквернословие*. Сквернословие - это употребление ненормативной (синонимы - грубой, неприличной) лексики, которая отражает грубость поведения говорящего, его грубое, пренебрежительное отношение к окружающим. Грубость, пренебрежительное отношение к окружающим как форма поведения морально осуждается общественным мнением, поэтому моральному осуждению подвергается и ненормативное (грубое, неприличное) словоупотребление.

Сквернословие при этом может осуществляться с намерением или без намерения оскорбить слушающего. К сквернословию не относится сленг, жаргонизмы, просторечная лексика⁴.

В связи с проведенными разграничениями сформулируем наше мнение по поставленным выше на обсуждение вопросам.

1. Как вести протокол допроса, если допрашиваемый выражается ненормативной лексикой?

При составлении протокола допроса необходимо:

- 1) *точно передать смысл* сказанного;
- 2) адекватно *отразить личность допрашиваемого* (зафиксировать его речевые особенности, отражаемый речью уровень интеллекта, используемый им способ понимания и обозначения действительности – это может впоследствии понадобится для следствия, представить ценный материал для анализа личности, характера допрашиваемого).

Прямое отражение ненормативной речи в протоколе как официальном публичном документе противоречит нормам нравственности общества, а также фактически является фактом публичного сквернословия, что вообще-то формально подлежит административному наказанию. Этот протокол будут изучать многие официальные лица, отдельные фразы могут войти в решение суда – и такие документы нельзя распространять от имени государства.

Ненормативные языковые единицы в протоколах необходимо заменять на литературные или разговорные синонимы.

В протоколе необходимо максимально точно передать выражаемый ненормативной языковой формой смысл, но в стилистически нейтральной (литературной или разговорной, т.е. цензурной) языковой форме, обязательно при этом сопроводив необходимым стилистическим комментарием — «нецензурно»,

⁴ Подробнее об этом см.: .Стернин. И. А. О понятиях «неприличная форма высказывания» и «нецензурная лексика» // Стернин И. А.. Теоретические и прикладные проблемы языкознания. Избранные работы. Воронеж, 2008.с.233-237..

"вульгарно", «грубо». При этом нельзя использовать официальные термины или бюрократические штампы, которыми допрашиваемый, как правило, не владеет.

Иногда может быть использовано не стилистически нейтральное, а разговорное слово, если оно ближе по смыслу использованному нецензурному выражению. Например:

Заметим, что при составлении протоколов возникает проблема не только с нецензурной, но и с вульгарной и бранной лексикой.

Вульгарная лексика: *пузо, харя, рожка, жопа, срать* и под. отражает некультурность словоупотребления говорящего, невладение им нормами культуры речи.

Бранная или инвективная лексика - *засранец, говно, дерьмо, козел, сволочь, сука* и под.) содержит резкую обобщенную неодобрительную оценку объекта номинации - лица, явления, предмета.

В протоколах вульгарную и бранную лексику целесообразно давать аналогично нецензурной: литературный или разговорный эвфемизм со стилистическим комментарием.

В принципе вульгарные слова могут и не сопровождаться в протоколе стилистическим комментарием, если, по мнению следователя, данная особенность речи допрашиваемого не имеет значения для его характеристики как личности.

Бранные слова, как правило, не имеют литературных синонимов. Такие слова передаются графическими эвфемизмами с пометой «грубое»: (*он сказал, что он г...но (грубое); назвал ее с...кой (грубое)*).

Отметим, что следователь в протоколе призван в принципе также исправлять некоторые речевые ошибки допрашиваемого – например, заменять просторечные слова на литературные (*их* вместо *ихний*, *его* вместо *евонный*). Жаргонные и сленговые выражения, если они могут быть непонятны участникам процесса, целесообразно заменять на литературные синонимы (например, выражение «меня *свинтили*» заменить на «меня *задержали*» и т. п.).

Исходя из изложенного, мы полагаем, что во всех приведенных, и аналогичных им случаях в протоколе допроса ненормативные, тем более, нецензурные выражения допрашиваемого следует «перевести» на нормативный русский язык, особо оговорив это обстоятельство в протоколе.

Однако если сообщаемые таким языком сведения имеют повышенную значимость для расследования, то тактически целесообразно, чтобы допрос этого лица сопровождался аудио/видеозаписью, сохраняя тем самым «оригинал» осуществленного в протоколе «перевода». Сам же «оригинал» дословных показаний в случаях крайней для того необходимости может быть, а в ряде случаев – должен быть - воспроизведен в судебном заседании.

Отменяя в порядке кассации приговор по конкретному уголовному делу по причине того, что суд первой инстанции не исследовал все представленные доказательства, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ указала: вещественными доказательствами по делу были признаны аудиокассеты — носители информации устной речи Новикова и Мартемьянова, они исследовались при производстве фоноскопической экспертизы. Эти аудиокассеты из числа доказательств не исключались и признаны судом допустимыми доказательствами.

Однако вопреки требованиям закона в судебном заседании они не прослушивались, содержащиеся в них записи по существу не исследовались. После обсуждения вопроса о прослушивании записей на аудиокассетах председательствующий вынес постановление об оглашении заключений фоноскопических экспертиз и об отказе в прослушивании аудиокассет, «поскольку они содержат большое количество нецензурных выражений» (выделено нами – авт.).

Между тем в законе не содержатся основания, исключаящие возможность непосредственного исследования доказательств, признанных допустимыми. Отказ от прослушивания аудиокассет, т.е. от исследования приобщенных к материалам дела доказательств, повлиял на вынесение присяжными заседателями справедливого вердикта⁵.

Однако в любом случае, что, на наш взгляд очевидно, данная часть судебного заседания – связанная с прослушиванием аудио (просмотром видео) записей, содержащих ненормативную лексику – при всех обстоятельствах должна проводиться в закрытом режиме.

Во избежание возникновения подобных ситуаций нам представляется разумным изложить первое предложение ч. 2 ст. 190 УПК в следующей редакции: «Показания допрашиваемого записываются от первого лица и по возможности дословно; использование в протоколе допроса ненормативной лексики не допускается. Если таковая содержалась в показаниях допрашиваемого, к протоколу прилагается их аудио – видео запись, которая при необходимости в исключительных случаях может быть воспроизведена в закрытом судебном заседании».

2. Как оглашать нецензурные, вульгарные и грубые выражения в устном обсуждении в процессе судебного заседания?

Так как в суде, прежде всего, важно *содержание* показаний, оглашать публично и заносить в протокол судебного заседания следует только литературный эвфемизм нецензурного или грубого выражения, раскрывающий смысл произошедшего.

В случае с бранными словами при отсутствии эвфемизмов подлежит литературной передаче общий смысл высказывания. Это обусловлено публичным характером судебного заседания – ненормативная лексика ни в какой форме не должна употребляться публично.

Если для судебной дискуссии оказывается актуальной конкретная языковая *форма выражения* того или иного смысла подсудимым, то устно она оглашается так, как предлагается передавать эту лексику в протоколе: эвфемизм (литературный синоним) + стилистический комментарий – *нецензурно, вульгарно, грубо*.

Например: *Он в нецензурной форме отозвался об умениях потерпевшего; он ее нецензурно обругал; он, грубо обозвав продавщицу, потребовал у нее продать ему водку и т.д.*

3. Как отражать нецензурные, вульгарные и грубые выражения в приговоре и других процессуальных документах суда?

Мы убеждены, что, как и в протоколе допроса, и в протоколе судебного заседания, в этих процессуальных документах суда они содержаться не должны, а также следует использовать литературные эвфемизмы или синонимы ненормативных слов и выражений, примеры которого приведены нами выше. Иными словами, при необходимости цитирования смысла ненормативных слов и выражений в решениях суда может использоваться дословное эвфемистическое цитирование со стилистическим комментарием: *(он в нецензурной форме отказался; от него в грубой форме потребовали подписать договор и т.д.)*.

Подведем итог рассмотрению этого аспекта составления протоколов.

Протокол любого следственного действия, протокол судебного заседания (как, впрочем, и любые другие процессуальные документы) должен не только объективно и полно отражать ход и результаты проведенного действия (следственного, судебного следственного характера), но быть написан грамотным литературным языком. В нем недопустимо использование любых ненормативных выражений даже в тех случаях, если они и звучали в ходе производства этого действия.

⁵ БВС РФ. — 2005. — № 8.

С этих позиций этически безупречным нам представляется кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации, отменившей обвинительный приговор по конкретному уголовному делу по единственному приводимому ниже основанию, в то время как представитель прокуратуры просил оставить приговор без изменения, а защитник ходатайствовал лишь о смягчении наказания, назначенного осужденному:

«Проверив материалы дела, обсудив доводы кассационной жалобы, судебная коллегия находит, его незаконным и подлежащим отмене.

Приговор является официальным документом, в соответствии ее ст. 304 УПК РФ, постановляемым именем Российской Федерации. В соответствии со ст. 310 УПК РФ, он провозглашается публично. Копии приговора вручаются участникам процесса, направляются в различные государственные учреждения для исполнения. По смыслу ст. 303 УПК РФ, приговор должен быть составлен в ясных и понятных выражениях, в нём недопустимо употребление неприемлемых в официальных документах слов и выражений.

В приговоре в отношении Пониткова А.И. приведены дословно стенограммы аудио записей разговоров Пониткова А.И. с Зайцевым С.А., в которых содержатся ненормативные, неприемлемые для официальных документов выражения.

Документ, с такими выражениями не может быть постановлен от имени государства и рассылаться для его исполнения. В связи с чем приговор подлежит отмене ...»⁶.

*Опубликовано в
Правовые реформы в современной России:
значение, результаты, перспективы.
– Вып.5. – Часть 5. Уголовное право,
уголовный процесс и криминалистика. –
Воронеж: Изд-во ВГУ, 2009. –С.28-42.*

Лингвокриминалистический анализ текста заявления, выполненного в жанре «крик души»

Для лингвокриминалистического анализа был представлен текст заявления гражданки М. в адрес руководителя организации, в которой работает гражданка И.Г. Д-ва, а также три текста заявлений в милицию, содержащие жалобы на антиобщественное поведение гр. И.Г.Д-вой и ее матери М.Ю.Д-вой. Гражданка И.Г. Д-ва и ее мать М.Ю.Д-ва подали в суд на гражданку М. в связи с умалением в этих документах их чести и достоинства и нанесении ущерба их деловой репутации.

Судом были поставлены перед экспертом следующие вопросы:

1. Содержится ли в тексте заявления информация о личных, деловых, моральных качествах Д-вой И.Г. и Д-вой М.Ю?
2. Если да, то носят ли эти сведения порочащий характер? Если нет, то являются ли вышеприведенные фрагменты текстов заявлений мнением либо суждением?
3. Выражены ли сведения о личных, моральных и деловых качествах Д-вой М.Ю. и Д-вой И.Г. в форме утверждения, предположения или вопроса?
4. Содержатся ли в исследуемых текстах сведения о нарушении Д-вой М.Ю. и Д-

⁶ Кассационное определение СК по уголовным делам Верховного суда РФ от 7 ноября 2005 г., дело № 14 – 005 – 32 2005 г.

вой И.Т. общепринятых в обществе моральных принципов: о совершении нечестного поступка, неправильном поведении в быту, трудовом коллективе и другие сведения, которые умаляют честь и достоинство истцов либо их деловую репутацию?

5. Какова цель создания текстов? Какими языковыми средствами она передается? Анализ текстов показал следующее.

Представленные для анализа тексты содержали крайне эмоционально и недостаточно связно изложенные жалобы гражданки М. в различные инстанции на поведение соседей (И.Г.Д-вой и ее матери М.Ю Д-вой), написанные в жанре, который может быть назван «крик души».

Формально в спорных текстах содержались выраженные в языковой форме сведения, которые могут послужить основанием для усмотрения в этих текстах выраженных в языковой форме сведений, которые могут быть рассмотрены как умаляющие честь, достоинство и деловую репутацию истцов, но соответствующие слова и выражения, несущие эту информацию, в контексте использованного эмоционально-публицистического жанра «крик души» приобретают иной смысл, что обуславливает необходимость внесения коррективов в итоговые выводы.

Покажем, как жанр текста обуславливает необходимость экспертного рассмотрения спорных текстов именно в рамках соответствующего коммуникативного жанра, к которому они принадлежат, а не по формальной принадлежности текстов к официальным заявлениям. Приведем в сокращении основную часть подготовленного экспертного заключения.

1. Информация о личных, деловых, моральных качествах Д-вой И.Г. и Д-овой М.Ю. однозначно содержится в следующих конкретных высказываниях из приведенного списка:

каждодневное издевательство над человеком;
палач;
она избрала орудием издеательства над старым больным человеком собаку;
ветеран войны страдает от садизма вашего «педагога»;
ответила такой площадной руганью; в ответ все
получали нецензурную брань;
ведь садизму, как и фашизму, нет предела;
в быту - садист, жестокий и беспощадный;
садисты, люди трусливые...ваш педагог – не исключение;
это не педагог, это фашист;
спокойно, ежедневно будет убивать такого ветерана, замечательную
женщину;
подобным извращениям;
отборный мат, площадная брань;
соседи терпят издеательства этого семейства;
садизм этого семейства;
наглые люди;
садистка по форме и поведению;
способная оболгать, облить площадной руганью, напустить собаку на человека,
вылить помой на окно соседа;
использует собаку как средство давления и истязания окружающих;
«нагло и методично издеваются» над соседями;
соседи вынуждены от них «терпеть ежедневные издеательства»;
стараясь «убить заслуженных людей»;
нечестные люди.

2. Если да, то носят ли эти сведения порочащий характер? Если нет, то являются ли вышеприведенные фрагменты текстов заявлений мнением либо суждением?

Выраженные приведенными языковыми выражениями сведения носят негативный характер, негативно описывают истцов с морально-этической точки зрения, характеризуя их как *садистов, фашистов, палачей, сквернословов*, как лиц *наглых, лживых, методично издевающихся над соседями*.

Основная употребленная в этих высказываниях негативная лексика, характеризующая истцов, в анализируемых конкретных контекстах имеет следующие значения:

Садист – человек, одержимый садизмом. Садизм – 2. страсть к жестокостям, истязаниям; упоение чужими страданиями, болью. (НБТС, 2008)

Фашист – 2. Бранно. О крайне агрессивном, злобном человеке (НБТС, 2008)

Палач – 2. Мучитель, притеснитель (НБТС, 2008)

В контексте спорных документов эти три слова используются как синонимы в значении *агрессивный, жестокий человек*

мат – разг. неприличная, оскорбительная брань; сквернословие. (НБТС, 2008); *отборный мат* – исключительно грубый, вызывающий;

площадная брань – грубая, непристойная, неприличная (о словах, выражения) (НБТС, 2008)

Нецензурная брань запрещена в обществе, приравнивается к мелкому хулиганству.

издеваться – зло, оскорбительно высмеивать кого-л., что-л., глумиться над кем-л., чем-л. (НБТС, 2008)

наглый – крайне дерзкий и бесстыдный; нахальный (НБТС, 2008)

Взятые по отдельности, эти негативные слова и выражения могут носить порочащий характер, если они:

- а) характеризуют нарушение теми или иными лицами моральных норм или законов,
- б) не соответствуют действительности;
- в) не являются в контексте всего текста эмоциональным преувеличением (гиперболами), обусловленным общей эмоциональностью текста и стремлением автора придать речи образность и экспрессивность.

Перечисленные выражения характеризуют нарушения истцами моральных норм (норм гуманизма) и законов (нецензурная брань).

В материалах дела есть сведения, подтверждающие соответствие отдельных утверждений ответчиков действительности; но вопрос об установлении соответствия содержащихся в спорном тексте сведений действительности лежит вне компетенции эксперта-лингвиста и является прерогативой суда.

Анализ текстов показывает, что негативно-оценочная лексика в спорных текстах преимущественно обусловлена жанром эмоциональной жалобы, к которому принадлежат все 4 спорных текста, и употребляемые негативные выражения – *садисты, фашисты, палачи, издевательство* и им подобные являются в контексте всего содержания текстов эмоциональными преувеличениями, свидетельствующими о яркой эмоциональной доминанте текстов, написанных пожилым автором в жанре «крика души».

В основных негативных высказываниях слова употребляются авторами текстов *не в прямых, а в переносных, образных усилительных значениях* (садист – не извращенец, а очень жестокий человек; фашист – не сторонник фашистских взглядов, а очень жестокий человек; палач – не убийца, а очень жестокий человек и под.), что подтверждает общий образный характер словоупотребления, обусловленный целью текста – выразить негативную эмоцию по поводу ситуации, привлечь своей эмоцией, экспрессией внимание вышестоящего начальства.

В связи с этим приведенные выше негативные выражения в контексте дела, хотя и стилистически неуместны в жанре официального публичного заявления (обращения), но являются эмоционально-оценочными, не приобретают статуса порочащих и не могут рассматриваться как порочащие.

Проанализированные фрагменты текста не являются мнениями, языковые маркеры мнения в спорных текстах отсутствуют. Приведенные выражения представляют собой суждения, выраженные традиционной для суждений языковой формой – повествовательными предложениями.

3. Выражены ли сведения о личных, моральных и деловых качествах Д-вой М.Ю. и Д-вой И.Г. в форме утверждения, предположения или вопроса?

Названные выше сведения о личных, моральных и деловых качествах Д -вой М.Ю. и Д-вой И.Г. выражены в форме повествовательных утвердительных предложений, то есть являются утверждениями.

4. Содержатся ли в исследуемых текстах сведения о нарушении Д-вой М.Ю. и Д-вой И.Г. общепринятых в обществе моральных принципов: о совершении нечестного поступка, неправильном поведении в быту, трудовом коллективе и другие сведения, которые умаляют честь и достоинство истцов, либо их деловую репутацию?

В исследуемых текстах содержатся выраженные в языковой форме сведения о нарушении Д-ой М.Ю. и Д-ой И.Т. общепринятых в обществе моральных принципов: нарушение правил общежития, правил содержания собак, неправильное поведение в быту.

Однако эти сведения не могут быть квалифицированы как умаляющие честь и достоинство истцов и порочащие их деловую репутацию, так как они не удовлетворяют всем диагностическим признакам, которым должно удовлетворять высказывание, умаляющее честь и достоинство лица, то есть порочащее его:

1. сообщение негативных сведений о лице - имеет место;
2. отнесенность негативных сведений к конкретному лицу или организации – имеет место;
3. фактологический характер негативных сведений – имеет место;
4. публичный характер распространения сведений - имеет место;
5. указание на нарушение моральных норм или законов – имеет место;
6. информационный характер текста – не имеет места, текст является эмоциональной жалобой.

7. несоответствие сведений действительности – окончательно соответствие/несоответствие фактов действительности устанавливается судом и находится вне компетенции эксперта-лингвиста, хотя из представленных материалов дела усматривается, что многие негативные факты действительности соответствуют.

Отсутствие всех необходимых диагностических признаков не позволяет признать указанные сведения порочащими.

5. Какова цель создания текстов? Какими языковыми средствами она передается?

Все тексты представляют собой формально, по форме - заявления, а по содержанию – высоко эмоциональные жалобы, написанные в жанре «крик души», не удовлетворяющие требованиям информационного официально-делового текста (стиля).

Интент-анализ спорных текстов показывает, что цель создания ответчиком – гражданкой М. - всех четырех проанализированных текстов – эмоциональная попытка привлечь внимание к своим проблемам, добиться принятия мер к соседям, которые не

дают пожилым людям спокойно жить, побудить вышестоящие инстанции принять меры к «обидчикам».

Все тексты не отвечают установленным требованиям к информационным текстам-заявлениям, о чем свидетельствует нелогичность их построения, многочисленные отступления от темы, постоянные переходы от одной темы к другой, высокая оценочность и эмоциональность содержания, использование торжественных и высокопарных выражений (общественно-политических клише, гипербол (художественных эмоциональных преувеличений) и вместе с тем элементов художественного стиля.

Языковые средства, используемые для создания текста, характеризуются разностильностью (принадлежностью к разным, в том числе несовместимым в одном тексте стилям), что характерно для текста, создаваемого в состоянии острого эмоционального напряжения, а не подготавливаемого специально.

Многочисленны высокие, общественно-политические языковые единицы – *отмицать, вопиющий факт, великая Битва народов, ушедший в мир иной, садизму нет предела, насильственный лай, гуманизм и человеколюбие, восстали против хамства и бесчеловечности, недостойно Педагога, Человека, истязание окружающих, орудие произвола и давления на общественность, люди в белых халатах спасали человеческую жизнь, должна же проснуться у людей человеческая совесть, моральный облик – это визитная карточка каждого педагога, мы являемся заложниками в руках нечестных людей, тени предков восстали, в каждодневной борьбе против зла и насилия, ночами сотрясается потолок* и др.

Высокие языковые единицы тут же сочетаются с разговорными и просторечными: *каждый вечер тусовки, сдохнешь, сдохнет соседка, паинька-девочка, науськать собачонку, выходки девочки-Марины, жильцы вынуждены балансировать между озерами мочи в коридоре, над головой был шабаш, праздник нечистой силы, милиционеры водили нас за нос* и др.

Многочисленны оценочные, восклицательные предложения, риторические вопросы, гиперболы, поэтические и художественные обороты.

Таким образом, все четыре спорных текста имеют яркие признаки эмоциональности и неподготовленности:

отсутствие логики изложения;

несоблюдение многих правил подготовки заявления как по форме, так и по содержанию;

обилие эмоциональных и оценочных слов,

обильное использование готовых общественно-политических клише – *мы боремся за гражданское право жить достойно, спокойно; мы обращаемся к общественности; работающий состав жильцов нашего дома; почему законопослушные граждане должны терпеть, почему мы являемся заложниками в руках нечестных людей* и др.

многочисленность гипербол (художественных преувеличений), поэтических и художественных оборотов – *последняя капля в наших страданиях; только своим опытом и знаниями она продляет свою жизнь; полвека живет эта достойная и уважаемая женщина в нашем доме; мы наивно полагали, что..., но-увы!; обретем покой и достойную жизнь, граждане нашей страны имеют на это право, жизнь показала, что зло нужно искоренять, а не поощрять; прошли все круги административные* и др.;

многочисленность оценочных и восклицательных предложений, риторических вопросов.

Все эти признаки свидетельствуют о неподготовленности спорных текстов, отсутствии целенаправленной работы автора над ними, о написании автором

текстов в состоянии сильного эмоционального напряжения, что отразилось в выборе слов и выражений.

Негативно - оценочные слова и выражения в тексте обусловлены именно жанром эмоциональной жалобы. Они не адресованы истцам и являются преимущественно по своей функции языковыми маркерами негативного эмоционально-психологического состояния авторов письма, их употребление обусловлено высоким уровнем эмоциональной напряженности в момент написания документа и прагматической задачей, целью текста – любыми способами обратить внимание тех, кому документ адресован, на свое бедственное положение.

Тексты, написанные в жанре «крика души», должны рассматриваться в рамках законов, характерных для построения и оформления именно данного типа текстов. Это не информационный, а эмоционально-оценочный тип текста. В таких текстах используемая оценочная лексика, в том числе и негативная, трансформируется в маркеры эмоциональности, «сигналы достоверности текста» (то есть слова и выражения, придающие тексту большую убедительность), она фактически утрачивает свое прямое оскорбительное смысловое значение, превращаясь в общем контексте в одно из средств создания выразительности текста, придания ему экспрессивности через использование гипербол, преувеличений, лексики с усилительным компонентом (содержащей компоненты «очень», «сильно», «крайне», «в высокой степени» и под.).

Следует признать, что истцы имеют право обидеться на многие использованные ответчиками в их адрес в рассмотренных выше документах слова и выражения, однако обида есть субъективное негативное восприятие чьих-либо слов или поступков, и как таковая не подлежит правовому регулированию.

*Опубликовано в:
Коммуникативные исследования 2009.
Виды коммуникации, обучение общению.
– Воронеж: изд-во «Истоки», 2009.- С.8-14.*

Обидное ли слово *мент*?

В практике лингвистической экспертизы известен такой случай: старушка, старшая по подъезду многоквартирного дома, которая следила за соблюдением очередности жильцов по уборке общей лестницы, отчаявшись заставить жильцов одной квартиры (где жили сотрудники милиции) выполнять общие обязанности, прикрепила им на дверь записку: «Менты, мойте лестницу!» Они подали на нее в суд за оскорбление.

В Орле в 2002 г. областное УВД подало в суд на журналиста, употребившего в своей статье слово *мент*. Милиционеры пытались через суд доказать, что слово *мент* оскорбляет честь и достоинство сотрудников милиции («Известия», 9 августа 2003). Суд, правда, тогда не признал слово *мент* оскорбительным.

Несомненно, что слово *мент*, вышедшее из криминальной среды, сейчас является единицей общенародного сленга. Оно стало употребляться и за пределами сленга – ср. сериал «Менты», фильм «Авария-дочь мента», телешоу «Менты в Кремле». Сниженность этого слова, как и изменения в его семантике в последнее время ощущаются весьма явственно.

О.П.Ермакова, Е.А.Земская, Р.И. Розина в словаре общенационального сленга «Слова, с которыми мы все встречались (толковый словарь русского общего жаргона) (М.: «Азбуковник», 1999) отмечают:

Мент – презр., отриц. оценка. Милиционер.

Отметим, однако, что некоторые приводимые авторами в словарной статье примеры, на наш взгляд, не подтверждают презрительный и неодобрительный характер значения описываемого слова. Например: «Вам просто надо поставить на стоянку

угнанный автомобиль и насрать *ментов*. Они за мизерный оклад сами носом землю взроют и сделают всю грязную работу (МК, 14.05.94)».

Химик В.В. в своем «Большом словаре русской разговорной лексики» (СПб, «Норинт», 2004 указывает:

Мент - (неодобр). Жарг. Милиционер, сотрудник милиции.

Однако в иллюстративном примере из «Литературной газеты», приводимом им в статье «мент», читаем: «Думаю, не ошибусь, сказав, что благодаря этому сериалу («Менты» - И.С.) произошла невероятная трансформация: слово «менты» сменило негативный оттенок на доброжелательный».

Е.С.Отин в своей книге «Все менты – мои Кенты...» (Москва: «Элпис», 2006) приводит многочисленные примеры по меньшей мере не оценочного употребления этого слова (с.171-172: «в России сохранились *менты*.., которые денег не берут и защищают нас до последней капли крови», «сериал об украинских *ментах*», «похоронили обычного *мента* из Кировского РОВД».

Автор указывает на увеличение в современной русской живой речи количества контекстов, когда негативный оттенок значения слова «мент» не реализуется:

«В настоящее время жаргонизм *мент(ы)* отличается определенной стилистической амбивалентностью. С одной стороны, это несколько сниженное (но несколько не оскорбительное!) именование сотрудников внутренних дел, разговорно-просторечный синоним слова милиционер (ср. приведенные выше примеры); с другой же – эмоционально-оценочное (пренебрежительное) обозначение профессионально непригодного милиционера (грубого, коррумпированного) (с.172).

В Новейшем большом толковом словаре русского языка» под ред С.А.Кузнецова (СПб: Рипол-Норинт, 2008):

Мент. Разг. -сниж. Милиционер, нет указания на неодобрительную оценочность.

В «Толковом словаре русской разговорной речи (проспект)» (М., ИРЯ АН, 2010) слово *мент* приводится как слово *разговорное*.

Так является ли слово *мент* оскорбительным?

Для ответа на это вопрос целесообразно обратиться к обыденному языковому сознанию современных носителей языка и провести экспериментальное исследование современной семантики слова *мент*. Прежде всего нас будет интересовать возможная многозначность слова в современном языке и оценочность значения данного слова.

Для решения этих задач был проведен направленный ассоциативный эксперимент. Двумстам испытуемым – молодым людям и людям среднего возраста, в равной пропорции мужчинам и женщинам, было предложено закончить фразу: *мент* - какой? *мент* - что делает?

На каждый вопрос ответило по 100 человек, результаты обоих экспериментов были обобщены. Характерно, что в процессе проведения эксперимента не зафиксировано ни одного отказа от ответа, что свидетельствует, что слово *мент* полностью освоено русским языковым сознанием.

При обработке результатов экспериментов полученные реакции обрабатывались методом семантической интерпретации (Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. М.: «Восток-Запад, 2007, с.168-169) – интерпретировались как актуализации определенных семантических компонентов слова, а совокупности компонентов, соотносимые с одним денотатом, интерпретировались как принадлежащие одному значению.

В результате было получено психолингвистическое (психологически реальное) описание значения слова *мент* в современном языковом сознании. Такое описание включает семантические компоненты, выявленные в эксперименте и представленные в виде дефиниции с указанием частотности актуализации каждой семы в эксперименте (из 200 испытуемых), что выступает как индекс яркости отдельных семантических компонентов в структуре значения. Для отдельного значения вычисляется совокупный

индекс яркости значения (СИЯ) как совокупность индексов яркости отдельных сем данного значения. По СИЯ можно установить, какое из значений доминирует в современном языковом сознании, а какое занимает периферийное положение.

Описание осуществляется по параметрам, выявленным эмпирическим путем для семантики наименований лиц:

Архисема
Внешность
Типичная физическая деятельность
Возраст
Опыт
Физическая сила
Характер
Типичная служебная деятельность
Интеллект
Образование
Культура
Поведение
Типичное поведение
Материальное положение
Моральные качества
Общая оценка

Семы при описании отделяются запятыми, параметры - точкой с запятой. В некоторых значениях отдельные параметры могут быть не представлены.

Результаты эксперимента показали, что в семантике лексемы *мент* в современном русском языковом сознании явно выделяются два отдельных значения (сначала приводится краткое описание значения в опоре на наиболее яркие семы, затем пример употребления данного значения в речи, а затем – психолингвистическая дефиниция):

Мент

1. Толстый и наглый сотрудник милиции, хам, который пользуется служебным положением, берет взятки, вымогает деньги, бьет людей, хитрый, жадный, высокомерный, вызывающий негативное отношение. Неод., презр. или пренебреж. , сленг. *Ничему хорошему от общения с ментами ты не научишься.*

Сотрудник милиции 37 или охранник 1;

толстый 16, в форме 4, при погонах 1, пьяный 1, ухмыляется 1;

бьет людей 9, тормозит машины 7, пьяный ездит за рулем, много пьет алкоголя 2, заигрывает, постоянно чего - то требует, ругается, ест, курит, спит 1;

наглый 20, высокомерный 12, злой, нахальный 8, хитрый 7, жадный, непорядочный, самоуверенный 4, грубый, серьезный, работает на себя 2, ищет своей выгоды, пользуется другими в своих интересах, несправедливый, человеконенавистный, ведомый, деловитый, бюрократ, непредсказуемый, недисциплинированный, очень разный 1;

берет взятки 36, вымогает 20, пользуется служебным положением 17, придирается по мелочам 9, не выполняет свои служебные обязанности 8 (*ничего не делает, не следит за порядком, делает вид, что выполняет свои служебные обязанности, делает вид, что ловит преступников, не стремится раскрывать дела, не трогает виновных, о людях не думает, иногда работает,*), нарушает закон, превышает полномочия 7,

крышует бандитов 3, вынюхивает, мошенничает, наказывает, обижает невинных, подставляет людей, неправомерно берет штрафы, использует бесконтрольно оружие, наезжает, может пытаться задержанных, издевается, обманывает, ворует, пытается угодить начальнику, движется по служебной лестнице 1;

тупой 4;

необразованный 2, не знает законов 1;

некультурный 1;

богатый 1;

подлый, не пользуется уважением 4;

вызывает негативное отношение 62 (*поганый 35, хам 14, козел 6, вредный, неприятный 2, гнилой, неправильно себя ведет, бандит 1*).

Совокупный ИЯ 369.

2. Сотрудник милиции, который охраняет общественный порядок, патрулирует, контролирует, допрашивает и штрафует людей. То же, что милиционер. Преим. неоц. или одобр. Сленг или разг. *Не могли его успокоить, ментов пришлось вызывать.*

Сотрудник милиции 37 или начальник 1;

строгий 4, опрятный, в серой форме, отдает честь, с оружием 1;

допрашивает 5, стоит на посту, составляет, протоколы, свистит 2, регулирует движение 1;

добрый 3, нормальный 2, дисциплинированный, немногословный, настойчивый, отзывчивый, справедливый, суровый 1;

взрослый 1;

опытный 1;

сильный 1;

охраняет общественный порядок 12, контролирует людей 9, задерживает, патрулирует, штрафует 4, арестовывает, работает 2, в той или иной степени обеспечивает покой, ищет, раскрывает преступления 1;

умный 1;

образованный 2;

с маленькой зарплатой 1;

порядочный, честный 2;

хороший 2.

Совокупный ИЯ 129.

Таким образом, слово *мент* в современном русском языковом сознании отчетливо двузначно. Первое значение неодобрительно-оценочно, второе – преимущественно неоценочное, разговорное.

Учитывая совокупный индекс яркости каждого из выделенных значений, приходим к выводу, что первое (оценочное) значение в три раза ярче в языковом сознании носителей языка, чем второе, и обычно первым приходит «на ум» при предъявлении изолированно взятого слова. Однако в конкретном контексте могут быть реализованы как первое, так и второе значение слова.

Скажем, в записке «Менты, мойте лестницу!» явно реализовано второе, неоценочное значение – это обращение по профессии. Ср. возможные варианты: «Педагоги, мойте лестницу!», «Бизнесмены, мойте лестницу!».

Таким образом, слово *мент* в современном русском языке имеет неодобрительное и неоценочное значения и в конкретном контексте может быть реализовано в одном из этих значений.

- Ермакова О.П., Земская Е.А., Розина Р.И. Слова, с которыми мы все встречались (толковый словарь русского общего жаргона). - М.: «Азбуковник», 1999.
- Химик В.В. Большой словарь русской разговорной лексики. – СПб: «Норинт», 2004.
- Отин Е.С. Все менты – мои кенты... Москва: «Элпис», 2006.
- Новейший большой толковый словарь русского языка / Под ред. С.А.Кузнецова. - СПб: «Рипол-Норинт», 2008.
- Толковый словарь русской разговорной речи (проспект). - М.: ИРЯ АН, 2010.

Опубликовано в:
«Русская речь» -
2011. - № 5. – С. 34-38.

Некоторые вопросы уголовно-правовой квалификации оскорбления

Стернин Иосиф Абрамович, заведующий кафедрой общего языкознания и стилистики Воронежского государственного университета, доктор филологических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, действительный член Гильдии лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам (ГЛЭДИС)

Калинкин Святослав Владимирович, судья Ленинского районного суда города Екатеринбурга, кандидат юридических наук

Оскорбление как разновидность деликта отнесено к преступлениям небольшой тяжести и по первой инстанции подсудно мировым судьям, в связи с чем иногда кажется составом, не вызывающим сложностей в квалификации. Однако в практике имеются явные трудности, связанные с оценкой того или иного слова как подпадающего под диспозицию ст. 130 УК Российской Федерации. в связи с чем судьи иногда назначают по делам судебно-лингвистические экспертизы.

При осуществлении лингвистической экспертизы важное значение имеет точное лингвистическое определение понятия «неприличная форма высказывания», которое является одной из важнейших составляющих юридического понятия оскорбление: оскорбление - «унижение чести и достоинства другого лица, выраженное в неприличной форме» (ст. 130 УК Российской Федерации).

В судебной практике имеются крайне противоречивые случаи оценки даже одних и тех же слов с точки зрения указанного критерия. Например, «слова «цепной пес, мошенник, вор, жулик, патентованный подлец и трус», высказанные Горыниным в адрес потерпевших Полежаева и Казанника, лингвистической экспертизой признаны бранными словами, носящими оскорбительный характер, унижающими честь и достоинство человека» (Судебная практика к Уголовному кодексу Российской Федерации. Под общ. ред. В.М. Лебедева. М., 2005. С. 517).

По другому делу приговором мирового судьи Г. осужден по ч. 1 ст. 130 УК Российской Федерации. Он признан виновным в том, что, употребив в письменной жалобе на действия Б. словосочетания «как цепной пес» и «как распоясавшийся хулиган», умышленно оскорбил, то есть унизил честь и достоинство последнего в

неприличной форме. Апелляционным постановлением и кассационным определением приговор оставлен без изменения. «Президиум отменил состоявшиеся по делу судебные решения и направил дело на новое апелляционное рассмотрение, исходя из следующего. Согласно ч. 1 ст. 130 УК Российской Федерации под оскорблением понимается унижение чести и достоинства другого лица, выраженное в неприличной форме. Таким образом, обязательным признаком состава данного преступления является неприличная форма оскорбления. По смыслу закона неприличной следует считать циничную, глубоко противоречащую нравственным нормам, правилам поведения в обществе форму унижительного обращения с человеком. Суд же не привел в приговоре какие-либо мотивы в подтверждение вывода о том, что указанные выше словосочетания, употребленные осужденным в отношении потерпевшего, выражены в неприличной форме, не указав, в чем конкретно он усмотрел такую форму» (Обзор кассационной и надзорной практики Верховного суда Республики Башкортостан по уголовным делам за второе полугодие 2007 г. http://vs.bkr.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=41).

Отметим также, что сравнения – *как* цепной пес и прямые номинации – цепной пес должны рассматриваться дифференцированно. в сравнениях подобного типа человека не называют псом, а указывают в форме сравнения на некоторый его признак (например, злобность, агрессивность). подобные сравнения как стилистический прием носят литературный характер и не представляют собой оскорбительную языковую форму.

Противоречивость практики может проследиваться даже в рамках одного судебного органа, так, проанализировав судебную практику, региональный суд пришел к заключению, что выражения «негодяй», «пьяница», «старый козел» являются оскорбительными, но не ИМЕЮЩИМИ неприличной формы, но «в то же время, безусловно, правильно по одному из дел признаны бранными, носящими оскорбительный характер и унижающими честь и достоинство человека, слова «мошенница», «грязная шлюха», «торгующая своим телом», «плешивая собака» и т.п., высказанные в адрес женщины в присутствии других лиц» (Справка по результатам обобщения судебной практики рассмотрения мировыми судьями Пермской области дел частного обвинения http://oblsud.perm.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=118).

Таким образом, сейчас самым спорным моментом в правоприменительной деятельности является оценка того или иного высказывания с точки зрения выявления неприличной формы высказывания.

Понятия *неприличная лексика, неприличная форма выражения, нецензурная лексика, ненормативная лексика, грубая лексика, вульгарная лексика, инвективная лексика*, используемые как в обыденном словоупотреблении, так и в лингвистической и юридической литературе, требуют уточнения применительно к бытовому, лингвистическому и юридическому пониманию, поскольку указанные понимания не совпадают.

ПРИНЦИПИАЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ ПРИ ЭТОМ ИМЕЕТ РАЗГРАНИЧЕНИЕ НОРМАТИВНОЙ, СТИЛИСТИЧЕСКОЙ И МОРАЛЬНО-ЭТИЧЕСКОЙ КЛАССИФИКАЦИИ СЛОВОУПОТРЕБЛЕНИЙ.

Представим эти разграничения в таблице и прокомментируем их.

Языковые единицы различаются:

по нормативности	Нормативная лексика и фразеология (допустима в любой ситуации)	Ненормативная лексика и фразеология (допустима в ограниченном числе ситуаций употребления)
------------------	---	---

	употребления)				
по стилистической отнесенности	литературная и разговорная	Сниженная Сленг (тачка, крыша поехала, наезжать) Жаргон (лох, кент, шпора, клава) Просторечие (сиськи, переть)	Вульгарная <i>харя, рожка, пузо, жопа, срать, ссать</i>	Бранная <i>сволочь, подлец, дрянь, ублюдок, сука, дерьмо, говно, урод, придурок, гнида, козел</i>	Нецензурная 5 слов и их производные
			Грубая (оскорбительная)		
по морально-этическому критерию (допустимости в общественном месте)	приличная (допустима в общественном месте)	Некультурная (неуместна, не рекомендуется к использованию в общественном месте)	Сквернословие		Неприличная (табуирована, полностью запрещена к использованию в общественном месте)

Таким образом, лексика и фразеология делятся на *нормативную* (допустимую как в устной, так и в письменной речи, в публичном общении, СМИ) и *ненормативную* (находящуюся за пределами норм литературного языка, которая рассматривается обществом как недопустимая в публичном употреблении, в средствах массовой информации). Как видно из таблицы, основное различие нормативной и ненормативной лексики – в допустимости ее *публичного употребления*: нормативная допустима, ненормативная недопустима в публичном употреблении.

Нормативность и ненормативность тех или иных единиц языка не постоянные, раз и навсегда определенные характеристики соответствующих языковых единиц, а лишь определяемая семантикой этих единиц тенденция к тому, чтобы употреблять их как таковые: к примеру, одна и та же единица может оказаться в одних ситуациях ненормативной, а в других может не иметь такого статуса, поэтому принципиально важен контекст употребления ненормативной единицы.

Ненормативная лексика и фразеология - это функциональный пласт лексики и фразеологии, в языковом сознании общества и в общественном мнении рассматриваемый как содержащий единицы, подлежащие исключению из публичного употребления (то есть из употребления в общественных местах).

Общественное место – это территория публичного общения, то есть такая территория, на которой находится группа людей, в числе которых есть лица, не связанные с говорящим какими-либо личными отношениями, и которые также являются участниками (реальными или потенциальными) или свидетелями общения. Другими словами, ненормативная лексика – это та, которую нельзя употреблять при свидетелях, «чужих» людях.

Среди ненормативной лексики языковое сознание достаточно рельефно выделяет три разряда – сниженную, бранную и нецензурную.

Сниженная лексика (сленг, жаргон, просторечие, вульгарная лексика) – это лексика, употребление которой в публичной сфере обычно признается неуместным, некультурным, и при этом негативно характеризующим прежде всего говорящего, уровень его речевой и общей культуры. Однако такие слова могут быть функционально уместны внутри определенных социальных, возрастных, территориальных, гендерных групп, межличностных сообществ (например, группа друзей, семья), а также в определенных коммуникативных ситуациях (например, в условиях общего эмоционального подъема группы общающихся или, наоборот, группового раздражения).

Сленг, жаргон, просторечие, вульгаризмы свидетельствуют, прежде всего, о принадлежности использующего их человека к определенной социальной группе. Существует понятие *неуместное использование языковых единиц*, то есть такое, при котором слово или выражение, закрепленное языком для одной коммуникативной ситуации, используется в другой коммуникативной ситуации, в которой оно рассматривается общественным сознанием как неуместное. Например, книжная, высокая, терминологическая лексика уместна в письменной речи, но неуместна в устной; просторечные выражения могут быть уместны в бытовом разговоре «своих», но неуместны в публичной речи или в общественном месте; сленг и жаргон также уместны среди группы «своих», но неуместны в ситуации публичного общения и др.

Сниженная лексика (*пузо, харя, рожа, жопа, срать, плешь проели* и подобное) свидетельствует прежде всего о бескультурности говорящего. Ее употребление осуждается общественным сознанием, но такая лексика не запрещена полностью; употребление таких единиц, как правило, чаще всего вовсе не отражает намерения говорящего как-либо оскорбить или унижить адресата, оно мотивировано эмоциональным состоянием говорящего и отражает уровень его культуры, воспитанности. Часто носитель сниженной лексики вообще не обращает внимания на окружающих, его речь является формой самовыражения, составляющей его языковой личности.

При этом неуместное использование отдельными носителями языка в общении стилистически сниженных языковых единиц (просторечие, сленг, жаргон, вульгаризмы, грубая лексика) может восприниматься окружающими, обладающими высоким уровнем речевой и общей культуры, статусными людьми как словоупотребление, оскорбляющее их (использующие сниженные единицы в этой ситуации с точки зрения культурной или статусной личности ставят культурного человека по уровню вровень с собой, что не принимается культурным человеком), хотя в юридическом смысле такое словоупотребление оскорбительным не является.

Неприемлемой в речи с точки зрения культуры речи (но не неприличной) сниженную лексику делает не характер ее значения, а неуместность ее употребления в той или иной коммуникативной ситуации. Бранная или инвективная лексика (просим прощения за примеры – *мерзавец, дерьмо, говно, засранец, козел, сволочь, сука* и под.) содержит резкую обобщенную неодобрительную оценку объекта номинации – лица, явления, предмета. Применительно к человеку она может употребляться с намерением оскорбить или унижить адресата, а может использоваться и без такого намерения,

использоваться безадресно, для спонтанного выброса эмоций, для характеристики некоего лица «для себя» или партнеров по коммуникации.

Использование бранной лексики также осуждается общественным сознанием с морально-этической точки зрения, но эти единицы не запрещены полностью: возможны ситуации, когда общественное сознание может оправдать их использование (например, в крайне эмоциональных ситуациях, в небольшом кругу «своих» и т.д.).

Нецензурная лексика - это предельно экспрессивная лексика (то есть яркие, обращающие на себя внимание слова, сразу выделяющиеся людьми из потока речи и выражающие сильную эмоцию говорящего) признающаяся на данном этапе развития языкового и общественного сознания народа абсолютно недопустимой в публичном общественном употреблении в любой форме устной или письменной речи и в любой коммуникативной ситуации. Нецензурная лексика при этом может выражать как отрицательную, так и положительную оценку или эмоцию.

Нецензурные слова в языке запрещены полностью, их диагностическая характеристика – тотальный запрет на общественное употребление в любой форме. Именно поэтому нарушение такого запрета производит столь сильное впечатление на окружающих. При этом нецензурная лексика, также как и бранная, может иметь установку на оскорбление, а может и не иметь такой установки. Она тоже может использоваться безадресно, для спонтанного выброса эмоций, в качестве эмоционального междометия, для характеристики третьего лица, хотя это не снимает запрета на ее публичное употребление.

На конкретный состав нецензурной лексики в русском языке есть разные взгляды. А.Н.Баранов отмечает: ...«доказать принадлежность того или иного обцененного слова к числу нецензурных довольно сложно. В этом случае приходится обращаться не к нормативным словарям, а к словарям сленгов, жаргонов, словарям ругательств и нецензурной лексики (В. Буй. Русская заветная идиоматика. М.: Альта-Принт, 2005; Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русского жаргона. СПб.: Норинт, 2000). Согласно существующей не столько лексикографической, сколько лексикологической практике, к нецензурным словам отнесены несколько непроемких слов, задаваемых списком (х..., п..., е...ть, з...па), а также слова и словосочетания, производные от них» (А.Н. Баранов. Лингвистическая экспертиза текста. М.: Флинта-Наука, 2007, С. 457). В.В. Химик последнее слово из списка А.Н. Баранова не относит к нецензурной лексике, но отмечает как нецензурные слова «б...дь» и «м...нда», а также устаревшие и неупотребительные в современном языке *ел.а* и *м...де* (В.В. Химик Большой словарь русской разговорной речи. СПб.: Норинт, 2004. с. 762).

С нашей точки зрения к нецензурной лексике в современном русском языке следует однозначно отнести пять слов – нецензурное обозначение мужского полового органа (х...), нецензурное обозначение женского полового органа (п...зда, м...да), нецензурное обозначение процесса совокупления (е...ть) и нецензурное обозначение женщины распутного поведения на букву «б», а также все образованные от этих слов языковые единицы, то есть все языковые единицы, содержащие в своем составе данные корни.

Для обыденного сознания, как уже отмечалось выше, как неприличные воспринимаются грубые, бранные и нецензурные языковые единицы, они рассматриваются (подчеркнем, именно *обыденным* сознанием) как неприличная форма выражения мысли в речи. Если тот или иной смысл имеет литературную или разговорную форму выражения, эта форма не может быть признана неприличной, она остается в разряде нормативной лексики. В этом случае заявителя может оскорблять содержание (если оно не соответствует действительности), но не форма.

Использование нормативной лексики в негативных высказываниях не подлежит правовому регулированию. Так, «по смыслу закона, при совершении преступления,

предусмотренного ч. 1 ст. 130 УК Российской Федерации, обязательным признаком уголовно-наказуемых действий является неприличная форма оскорбления, унижающего честь и достоинство потерпевшего лица. Неприличная форма противоречит общепризнанным правилам поведения людей, при этом учитываются нормы нравственности общества, а не восприятие ее самим потерпевшим. Выражение «проститутка» не содержит неприличной формы, не относится к нецензурным выражениям (Справка по результатам практики рассмотрения мировыми судьями Челябинской области уголовных дел частного обвинения http://www.chel-oblsud.ru/?html=reviews_on_criminal_cases&mid=136).

Отметим, кстати, лингвистическую некорректность фразы «выражение ...не содержит неприличной формы» - с точки зрения литературного русского языка правильно указать, что «выражение не является неприличным по форме».

По одному из дел суд обоснованно указал, что слово «хам» характеризует человека как грубого, наглого. Исходя из смысла отрицательного значения слова, сказанного в адрес И., судебная коллегия считает, что Л. действительно унизила честь и достоинство потерпевшей. Вместе с тем, судебная коллегия находит, что суд оставил без должного внимания, что обязательной составляющей данного преступления является неприличная форма оскорбления, то есть откровенно циничная, резко противоречащая принятой в обществе манере обращения между людьми, правилам общежития и морали. Слово, сказанное Л., является употребляемым в литературном языке, поэтому с выводом суда, что достоинство потерпевшей было унижено в неприличной форме, согласиться нельзя» (Обзор кассационной практики Верховного суда Республики Коми по уголовным делам за июнь-сентябрь 2004 г. (<http://www.komilaws.ru/index.php?ds=637541>)).

Использование сниженной лексики (просторечная, грубо-просторечная, вульгарная, грубая) из состава ненормативной также не подлежит правовому регулированию.

если высказывание имеет сниженную языковую форму, если мысль выражена с использованием сниженной лексики и фразеологии, это свидетельствует прежде всего о низкой культуре общей говорящего, примитивности его речевой культуры и его асоциальном поведении; но при этом сама эта форма с юридической точки зрения не может быть квалифицирована как *неприличная*, оставаясь в разряде *грубой*. Публичное употребление грубой лексики, как устное, так и письменное (например, в СМИ, в художественной литературе) недопустимо как нарушение морального общественного запрета на публичное использование грубой лексики. В устной же речи «между своими» она в определенных ситуациях может быть употреблена. Грубое словоупотребление подлежит моральному осуждению, но не является предметом правового регулирования.

Правовому регулированию подлежит употребление в адрес конкретного человека *неприличных* (синоним – непристойных, нецензурных) языковых форм. Подобное употребление имеет признаки оскорбления в юридическом смысле слова.

В юридическом смысле понятие *неприличная языковая форма* - это наличие высказываний в адрес истца, содержащих именно *непристойную лексику и фразеологию*, то есть *нецензурные слова и выражения*, которые грубо оскорбляют общественную мораль, грубо нарушают нормы общественных приличий. Грубая же, сниженная лексика «юридически» не входит в понятие «неприличной формы выражения»: «Обязательным признаком объективной стороны преступления является способ унижения чести и достоинства другого человека - неприличная (т. е. откровенно циничная, резко противоречащая принятой в обществе манере общения между людьми) форма. Таковы, например, нецензурные выражения ...» (Словарь по уголовному праву / Отв. ред. зав. сектором уголовного права и криминологии Института государства и права Российской Академии наук РФ, проф., д-р юр. наук А.В. Наумов. М.: Издательство БКЭ, 1997).

Таким образом, юридическое понимание неприличной языковой формы достаточно однозначно: это *негативная характеристика лица с использованием непристойных, то есть нецензурных слов и выражений*. К нецензурной лексике и фразеологии относится в современном русском языке строго ограниченное количество языковых единиц – пять (правда, у этих единиц есть многочисленные производные).

Таким образом, если порочащее человека по содержанию выражение имеет нормативную - литературную или разговорную форму выражения, эта форма не может быть признана оскорбительной, поскольку она остается в разряде нормативной, хотя разговорные словоупотребления и могут выглядеть стилистически неуместными в том или ином конкретном тексте, особенно письменном. Однако в любом случае нет лингвистических и юридических оснований говорить в такой ситуации о наличии в спорном тексте оскорбления.

Если выражение, оскорбительное по содержанию, имеет сниженную, грубую форму выражения, оно нарушает моральный запрет на публичное употребление подобной лексики, но тоже не является неприличным (непристойным) и не подлежит правовому регулированию, не свидетельствует о наличии в тексте лингвистических признаков оскорбления.

Например, имеется несколько решений мировых судей, не установивших неприличной формы у слов «пидор» («пидорок»), в связи с тем, что они являются производными от официально-ГО медицинского термина «педерастия», законность данных решений была подтверждена как районным, так и областным судом (Архив судебного участка №4 Ленинского района города Екатеринбурга. Дело №____; Архив судебного участка №8 Ленинского района города Екатеринбурга. Дело №____).

Если выражение содержит нецензурные слова, оно однозначно признается непристойной формой выражения мысли.

Подчеркнем еще раз, что в бытовом, повседневном, нетерминологическом смысле, выражения *неприличная, непристойная, ненормативная лексика* выступают для носителей русского языка как синонимы; для обывденного сознания в равной степени неприличной считается вся ненормативная лексика – и сниженные, грубые, и бранные, и нецензурные слова. Именно поэтому, руководствуясь своим языковым сознанием, любой носитель языка, в отношении которого была употреблена ненормативная лексика (независимо - сниженная, бранная или нецензурная) может посчитать, что она неприлична (непристойна) и что он в результате оскорблен неприличной языковой формой такого высказывания. Это является основанием многочисленных уголовных дел об оскорблении, которые с юридической точки зрения не могут быть окончены с вынесением обвинительного приговора. Отметим, что в подобных случаях заявителями часто движет в первую очередь не желание восстановить нарушенное право, привлечь лицо к ответственности за незаконные действия, а элементарная попытка «создать проблемы» своему оппоненту именно с использованием уголовно-правовых инструментов.

Гражданам, общественности и органам СМИ необходимо разьяснять разницу между речевым и юридическим оскорблением. типичны в этом отношении следующей случаи.

В Екатеринбурге потерпевшая обвиняла подсудимую в оскорблении ее фразой «пошла на ...». Однако судья на основе лингвистических источников установила, что данное словосочетание имеет ряд значений, в частности «проклинать, желать кому-либо неприятных событий», «сообщать кому-либо о немедленном прекращении отношений», то есть никак не характеризует личность субъекта, к которому оно обращено, соответственно, не может быть оценено как оскорбление (Архив судебного участка №2 Ленинского района города Екатеринбурга. Дело №____).

В газете «АиФ в ЧЕРНОЗЕМЬЕ» (2009, № 39) была опубликована заметка журналистки Анны Калюжной под характерным названием «Да идите вы знаете

куда.... Суд решил и постановил: мат - норма!» с подзаголовком – «Три буквы – это не оценка личности»

Пенсионерка Нина Филонова 3 ноября 2000 года при большом количестве людей была оскорблена продавцом вещевого рынка Виктором Душневым. В результате возникшего спора В.Душнев в нецензурной форме (*пошла на х...отсюда*) потребовал, чтобы пенсионерка отошла от торговой палатки его жены. Нина Филонова обратилась и Хлевенский районный суд Липецкой области с иском об оскорблении, который 15 января 2002 г. рассмотрел ее дело и отказал в иске, мотивировав это тем, что «ответчиком в нецензурной форме было выражено требование к истцу отойти, но не оценка ее личности». Суд, естественно, вынес правильное решение – ответчика можно было только оштрафовать в административном порядке за сквернословие в общественном месте, но нельзя привлечь по ст.130 УК. Однако показателен комментарий журналистики А.Калюжной: «Выходит, теперь каждый может посылать куда заблагорассудится, да еще и в многолюдном месте, не неся за это никакой ответственности. Следовательно, мат стал нормой общения, несмотря на все писанные и неписанные законы государства, культуры и нравственности».

Комментарий типичен – он исходит из норм обыденного сознания, а не из юридического понимания оскорбления. Это свидетельствует о важности правового просвещения как рядовых граждан, так и работников СМИ: им надо объяснять разницу между речевым оскорблением и юридическим оскорблением – как при подаче иска, так и после отказа в удовлетворении иска.

Изложенные выводы никаким образом не нарушают прав потерпевших на судебную защиту своих чести и достоинства, так как они могут обратиться за их восстановлением в порядке, предусмотренном гл. 8 ГК Российской Федерации. Однако, авторам неизвестны случаи, когда частные обвинители, заслушав оправдательный приговор, постановленный, например, в связи с отсутствием неприличной формы оскорбления или отсутствия негативной характеристики личности в оскорбительной фразе, обращались бы с исками в порядке гражданского судопроизводства.

Чтобы за использование нецензурных выражений осудить человека, вменив ему оскорбление того или иного лица, необходимо, чтобы был удовлетворен еще ряд условий. Специалистами справедливо подчеркивается, что само по себе употребление непристойных слов и выражений еще не дает оснований для правового вмешательства. Оно возможно и правомерно только в тех случаях, когда: а) прямо адресовано конкретному лицу или группе лиц; б) при этом имеет место прямой умысел на оскорбление; в) инвективная лексика характеризует не отдельные поступки или слова данного человека, а в целом его как личность, то есть дается обобщенная оценка его личности» (Цена слова: Из практики лингвистических экспертиз текстов СМИ в судебных процессах по защите чести, достоинства и деловой репутации / Под ред. проф. М.В. Горбаневского, М., 2002. С. 340).

Неприличное языковое выражение в адрес кого-либо в юридическом смысле слова можно рассматривать как оскорбление данного человека только при соблюдении условий, удовлетворяющих юридическому толкованию понятия оскорбление – *наличие умысла на оскорбление, обобщенность характеристики адресата, наличие конкретной негативной информации об адресате, фактологический характер сообщаемой информации, указание на нарушение конкретного закона или конкретных моральных норм* и т.д. Оскорбление должно быть совершено именно в отношении потерпевшего, так как «это отрицательная оценка личности, дискредитация его в глазах окружающих, подрыв его морального престижа (в том числе и в собственном мнении)» (А.В. Наумов Российское уголовное право. Курс лекций. Том 2. М., 2007. С. 158).

Так, по одному из рассмотренных уголовных дел, подсудимой вменялось произнесение в адрес потерпевшей слова «б...ь». Однако, в связи с тем, что оно было произнесено в ряду множества иных слов, суд пришел к верному выводу, что

невозможно установить относилось ли данное слово к потерпевшей либо было употреблено в качестве междометия, выражения субъективной эмоции, на возможность чего прямо указано в словарях русского языка. Вот как оценил подобный случай Плевако Ф.Н.: «при вопросе, с которым Бабанин обратился к Шепену, о том, зачем он подает на него бумаги в комиссию, Бабанин употребил несколько неуместных выражений. Но как они были сказаны? Как брань, к лицу Шепена обращенная, или как приставки, которыми пересыпается подчас самая дружелюбная беседа в вульгарной речи нашего степного помещика?» (Ф.Н. Плевако Избранные речи. М., 2010. С. 551).

Таким образом, принципиально важно различать оскорбление в понимании диспозиции статьи 130 УК РФ юридическое и речевое оскорбление. Для констатации факта речевого оскорбления необходимо, чтобы были удовлетворены следующие условия:

1. лексика принадлежит к разряду оскорбительной (вульгарная, бранная или нецензурная);
2. оскорбительная лексика использована в адрес конкретного потерпевшего;
3. оскорбительная лексика использована публично.

Оскорбительным для лица может являться употребление бранной и вульгарной лексики в его адрес, адресное публичное сквернословие - в адрес конкретного человека публично произнесены (или написаны) бранные слова – его назвали *тварью, сукой, козлом, уродом, подлецом, сволочью, гнидой*, либо в его адрес прозвучали нецензурные слова в любой форме - он чувствует себя оскорбленным. Адресное сквернословие оскорбляет его, поскольку вызывает у него обиду. Лингвист в результате проведения экспертизы констатирует наличие оскорбительной лексики, устанавливает, употреблена ли она в адрес конкретного лица и использована ли публично.

При этом адресное употребление бранной и вульгарной лексики - это **речевое оскорбление**, это оскорбление человека грубой (оскорбительной) речевой формой адресованного ему высказывания.

Необходимо иметь в виду, что возможно и **безадресное употребление** бранной и вульгарной лексики - себе под нос, для словесного выражения эмоции, без публичного озвучивания – такое употребление не влечет последствий ни морального, ни юридического плана. К примеру, выражение *Судья – идиот*, произнесенное истцом при выходе из судебного заседания в сердцах себе под нос, не является оскорблением судьи, поскольку не было адресовано судье, а является субъективным словесным выражением негативного эмоционального отношения истца к решению судьи.

Важным выводом из приведенных рассуждений **ЯВЛЯЕТСЯ** следующий: **на речевое (бытовое) оскорбление нельзя подавать иск в суд по ст.130 УК РФ.**

Только за одно употребление бранной, вульгарной и во многих случаях нецензурной лексики (если она не приписывается человеку. Которому она адресована, никаких негативных качеств или поступков, осуждаемых моралью или законом), в адрес ответчика не следует правового преследования, каким бы оскорбленным не посчитал себя тот человек, в адрес которого такая лексика прозвучала.

Речевое поведение грубияна, сквернословя, хама подлежит, к сожалению, только **общественному моральному осуждению** как нарушение принятых в обществе норм речевого этикета, правил культуры речи, норм поведения в общественных местах и под.

Потерпевшему, общественности и органам СМИ необходимо разъяснить, что в таком случае можно потребовать от оскорбителя извинения, можно написать жалобу его начальству, написать о его неблаговидном поведении ему на работу, сделать его неблаговидный поступок достоянием общественности в прессе, внести запись о допущенной грубости в жалобную книгу и под. Но такой случай не подлежит правовому регулированию, он не подпадает под действие ст.130 УК «оскорбление» - «унижение чести и достоинства в неприличной форме»:

1. Бранная и вульгарная лексика – это не неприличная форма в юридическом смысле (то есть не нецензурная).

2. Бранная и вульгарная лексика не порочит человека, не унижает его честь и достоинство, так как не характеризует его как нарушителя каких-либо конкретных моральных норм или законов. Речь не идет о нарушениях моральных норм или законов, если о человеке сказали, что он *не может оторвать свою ж. от стула*. Если человека под влиянием негативной эмоции человека назвали общеоценочным словом *козел, тварь, урод, придурок* и под., значением этого слова ему не приписаны какие-либо нарушения норм морали или законов (в отличие, скажем, от слов *ворюга, мошенник, взяточник, мошенник, шлюха* и под.) и подобные случаи не подлежат правовому регулированию.

Возможно также употребление в адрес потерпевшего нецензурных слов, которые не могут быть признаны оскорблением в юридическом смысле (ср. приведенные выше примеры по делу Н.Филоновой, пример обвинения в употреблении слова «б..дь»)

Иными словами, факт нецензурной брани в адрес кого-либо еще не является доказательством того, что в данном случае налицо оскорбление адресата. Оскорбление еще необходимо доказать, установив путем анализа употребленной языковой единицы и соответствующей коммуникативной ситуации наличие целого ряда дополнительных признаков.

Таким образом, понятия неприличная языковая форма и оскорбление с точки зрения бытового сознания и с юридической точки зрения – разные понятия, что необходимо учитывать судам по делам об оскорблении.

*Опубликовано в:
Уголовное право. –
2011. - № 5. - С.44-50.*

Дискуссионные проблемы лингвистической экспертизы текстов рекламы

С использованием русского языка в рекламе связаны несколько положений «Закона о рекламе» и «Закона о государственном языке».

ЗАКОН О РЕКЛАМЕ, статья 5, часть 5, подпункт 1

В рекламе не допускаются:

....1) **использование иностранных слов и выражений, которые могут привести к искажению смысла информации.**

ЗАКОН О РЕКЛАМЕ, Ст.5, часть 6.

В рекламе не допускается использование бранных слов, непристойных и оскорбительных образов, сравнений и выражений, в том числе в отношении пола, расы, национальности, профессии, социальной категории, возраста, языка человека и гражданина, официальных государственных символов (флагов, гербов, гимнов), религиозных символов, объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, а также объектов культурного наследия, включенных в Список всемирного наследия.

ЗАКОН О РЕКЛАМЕ, ст.5, часть 11:

При производстве, размещении и распространении рекламы должны соблюдаться требования законодательства Российской Федерации, в том числе требования гражданского законодательства, законодательства о государственном языке Российской Федерации (часть одиннадцатая в ред. Федерального закона от 18.12.2006 N 231-ФЗ)

ЗАКОН О ГОСУДАРСТВЕННОМ ЯЗЫКЕ (1 июня 2005):

Ст.6. При использовании русского языка как государственного языка Российской Федерации **не допускается использование слов и выражений, не соответствующих**

нормам современного русского литературного языка, за исключением иностранных слов, не имеющих общеупотребительных аналогов в русском языке.

Использование языка как государственного – это использование в публичной, общественной сфере. Любое использование языка для рекламы – это его использование как государственного, поскольку оно публично, рассчитано на неопределенный круг лиц.

Нарушения всех этих требований в рекламной практике имеют место и могут стать предметом лингвистической экспертизы при разбирательства в суде и .

1) Использование иностранных слов и выражений, которые могут привести к искажению смысла информации.

Это довольно неопределенное положение, требующее толкования и ситуационного анализа. Но такие случаи бывают:

Запесуй мегахит

Здесь информация широкому кругу потребителей непонятна.

В рекламе не допускается использование бранных слов, непристойных и оскорбительных образов, сравнений и выражений ...

Слово *хреновуха* относится к разряду вульгарной лексики.

Нормативная – это литературная и разговорная лексика, которая допустима в любой ситуации употребления. Она допускается нормами литературного языка.

Ненормативная лексика – это лексика, допустимая в ограниченном числе ситуаций употребления (сленг, жаргон, просторечие, вульгарная, грубая и нецензурная). При этом вся эта лексика не может употребляться в публичной речи, она не допускается нормами литературного языка.

*Классификация лексики
по нормативности, стилистической отнесенности и морально-этической
приемлемости*

по нормативности	нормативная (допустима в любой ситуации употребления)	ненормативная (допустима в ограниченном числе ситуаций употребления)		
по стилистической отнесенности	литературная и разговорная	сниженная		
		Сленг (тачка, разборка, наезжать, прикольно) Жаргон (лох, клавиша, шпора, жесть, отстой) Просторе-	Вульгарная <i>харя, рожка, пузо, жопа и др.</i>	Бранная <i>сволочь, подлец, дрянь, ублюдок, сука, дерьмо, урод, придурок, гнида, козел</i>

		чие (ихний, сиськи, вскорости, справить, заиметь, взаправду, садануть, невпрово-рот, шляться, пузатый, задаром, умаяться, небось)		<i>и др.</i>	
			Грубая		
по морально-этическому критерию (допустимости в общественном месте)	приличная (допустима в общественном месте)	некультурная (неуместна, не рекомендуется к использованию в общественном месте)	Сквернословие		
					неприличная (табуирована, полностью запрещена к использованию в общественном месте)

Выражение *Разгон хреновухой* – нарушает требование *не использовать ненормативную лексику*. Хреновуха – это **вульгарная** лексика, она относится к ненормативной; ее употребление нарушает нормы использования русского литературного языка как государственного. Кстати, то же может быть сказано и о слове **разгон**, которое имеет жаргонное значение – *начать попойку, выпивку*.

В тексте рекламы не должно быть орфографических, лексических, грамматических ошибок – это нарушение норм русского литературного языка.

Должно быть – дневное *прЕбывание* (местонахождение), *прибывание* – это *приезд*.

Сентиментальный – способный растрогать, умилить, быстро приходящий в умиление, способный расчувствоваться. Но слова *сентименты* нет в русском литературном языке.

Должно быть, очевидно, **сантименты** – проявление излишней чувствительности.

- В тексте рекламы не должно быть иностранных слов, которые могут быть заменены на русские «аналоги».

При всей странности этой части статьи «Закона о государственном языке» (в лингвистике нет понятие «аналог», есть синонимы), она тоже может быть применена при рассмотрении текстов рекламы.

Приведенный выше рекламный слоган *Записуй мегахит* нарушает данное требование, поскольку это слова, образованные на иностранной основе – хотя какие конкретно русские слова здесь должны бы были быть употреблены, сказать трудно, поскольку смысл слогана широкому кругу реципиентов рекламы непонятен.

Однако хотим подчеркнуть, что далеко не все случаи использования иностранной лексики подлежат правовому регулированию. Надо иметь в виду особенность рекламы как жанра текста, имеющего свои закономерности, и проявлять умеренность в правовом вмешательстве.

Есть удачные примеры использования иностранной лексики в рекламе.

Например, реклама компьютерной фирмы РЭТ:

Здесь как раз непонятность иностранной лексики используется как маркетинговый прием: *нагнетанию непонятности противопоставляется предложение фирмы РЭТ.*

Правоприменителям важно проявлять умеренность в правовом вмешательстве в рекламную деятельность. В обществе есть многочисленные «надзиратели»-пенсионеры, которые с пристрастием ищут ошибки и нарушения, скрытые смыслы в текстах СМИ, хотя бы «святое папы римского». Не надо у них идти на поводу и искать нарушения языковых норм, грубые ассоциации с пристрастием.

Например, пивоваренная компания «Балтика» заплатила 100-тысячный штраф за слово *скука* в рекламе. Антимонопольщики Самары рекламу признали неэтичной и оскорбительной.

Самарцы несколько месяцев подряд смотрели по телевидению рекламу лимонада CrazyКола со слоганом «Замочи эту скуку!». Нашелся телезритель, который этой рекламой оскорбился и написал заявление в антимонопольную службу - слово «скука» напомнило ему обидное ругательство - «сука», которое, хотя и является цензурным, но, по его мнению, оскорбляет простых слушателей.

Работники УФАС провели лингвистическую экспертизу. Специалист в языковой области сделал вывод, что «...словосочетание «Замочи эту скуку!» может вызывать у

самарцев случайную фонетическую ассоциацию со словосочетанием «замочи эту суку»...».

Представители Самарской региональной Коллегии Большого Жюри Союза журналистов посчитали, что выражение является перефразировкой вульгарной, ненормативной словесной формы, что делает ее неэтичной и оскорбительной. Компании «Балтика» придется заплатить штраф - 100 тысяч рублей, сообщает [пресс-служба Самарского УФАС](http://kp.ru/online/news/970664/) (<http://kp.ru/online/news/970664/>).

Другой пример. В Туле в 2008 г. в газете «Слобода» пенсионерка нашла рекламу средства от похудения (размером 3x4 см.), в которой в слове *похудение* была пропущена буква Д, и подала в суд на редакцию за употребление нецензурного слова, что нарушает закон о рекламе.

Суд оштрафовал газету «Слобода» на 60 тыс. р. за нарушение закона о рекламе – употребление бранных и непристойных слов, хотя такого бранного или непристойного слова в русском языке нет, что подчеркнула Гильдия лингвистов-экспертов в своем заключении.

Необходимо иметь в виду, что внимательные люди могут найти что угодно в словах, вырванных из общего контекста рекламного произведения. А суд, наоборот, может не увидеть очевидного.

Например, суд в 2004 г. не признал рекламой наркотических средств, рисунок и надпись на футболке :

«Все идет по плану» – футболка с изображением конопли.

Также продавалась водка «Каннабис» на черной картонной упаковке которой был изображен лист конопли, в бутылке на дне были конопляные зерна, а на упаковке был представлен текст:

«Водка «Cannabis». Крепкий алкогольный напиток, настоянный на натуральных конопляных зернах. Этот напиток для истинных ценителей необычных и острых ощущений. Терпкий, горький и ароматный, он рождает необычные чувства, раскрепощает разум и дает ключ к таинствам. Попробуйте этот чудесный напиток, но не забывайте о его удивительной силе. КОНОПЛЯНАЯ НАСТОЙКА».

Суд, однако, тоже не признал этот текст рекламой наркотических средств.

В заключение укажем на некоторые нерешенные проблемы экспертного анализа рекламных текстов.

1. Проблема адресности рекламы

Если реклама адресована молодежи – можно ли использовать в рекламном тексте молодежный жаргон? Ведь он нарушает нормы русского литературного языка (*Закон о государственном языке*).

Но если признать, что реклама адресована именно молодежи, тогда «Запесуй мегахит» можно рассматривать как обращение к молодежи на понятном ей языке.

2. Проблема юмора

Некоторые языковые и содержательные нарушения могут быть обусловлены языковой игрой, целью создания комического, это привлекает к рекламе, усиливает ее воздействующую функцию, и это должно допускаться.

Например, есть телевизионный ролик с рекламой «Импазы»:

*Мужчины вынимают из карманов упаковку «Импазы» и с гордостью кладут ее обратно. Затем выходят с работы на улицу. При этом диктор говорит, что с «Импазой» можно смело «идти домой или по делам». Один из персонажей при выходе с работы идет направо. А второй, с цветами, поколебавшись немного у выхода, сворачивает налево. Актуализируется фразеологизм **пойти (ходить) налево**. Скрытый смысл: с ИМПАЗОЙ мужчине можно «ходить налево».*

Этот смысл не все заметят и поймут. Но этот прием украшает рекламу, делает ее более эффективной, тонкой для посвященных, для тех, кто догадался, но при этом не оскорбляет нравственность, не призывает к супружеской неверности, не является использованием непристойных сравнений или образов – это юмор.

Таким образом:

1. При экспертизе рекламного текста необходимо обязательно учитывать специфику рекламы как жанра текста.

Нельзя, например, требовать от текста научной статьи в специальном журнале, чтобы он был простым по содержанию и не содержал терминов и иностранных слов – это жанр научного текста; нельзя требовать от бытовой речи, чтобы она не содержала разговорных слов и выражений, экспрессивных оборотов и т.д.- это жанр разговорной речи

Аналогично нельзя требовать от рекламы, чтобы она была только на чисто литературном русском языке. Реклама должна быть экспрессивна. В ней принципиально должны допускаться определенные отклонения от литературной нормы. Нельзя предъявлять к рекламному тексту требований «языковой стерильности» – он должен сохранять признаки рекламного текста, иначе он не будет эффективным. Допустимы преувеличения, языковая игра, экспрессивные слова, неожиданные сравнения, образование новых слов, нестандартные рифмы, юмор.

2. При оценке рекламы надо учитывать впечатление от всего текста, а не от его отдельных элементов.

Экспертиза, оценка любого текста, и рекламы в том числе, должна опираться на анализ общего, обобщенного **впечатления от всего текста**. Нельзя придирается к отдельным элементам, анализировать только отдельные детали, протестовать против отдельных деталей или элементов, отдельных фраз или сравнений.

3. В спорных случаях надо использовать психолингвистический эксперимент с рекламным текстом.

При экспертизе рекламного текста можно и нужно в сложных случаях использовать эксперимент для оценки производимого рекламой впечатления, формулирования передаваемого рекламой обобщенного смысла.

Важно, какая информация в результате передана *всем текстом* рекламы в совокупности с визуальным рядом и аудиорядом, а не его отдельными элементами. Это можно определить психолингвистическим экспериментом с целостным текстом.

2012

Доклад на научной конференции (Воронеж)

Жанр **СЛУХИ** в современных СМИ

«Я ненавижу сплетни в виде версий»

В.Высоцкий

Во многих современных СМИ «ЖЕЛТОЙ» направленности есть в настоящее время рубрики типа *Слухи, Сплетни, Версия, То ли правда, то ли нет* и т.п. Это стало нормой для таких изданий, и именно за счет этих рубрик в основном поддерживается популярность таких изданий у обывателя.

Формально подобные рубрики анонсируют, что в них содержится *непроверенная информация*, а фактически они сплошь и рядом используются для очернения своих героев, поэтому такие материалы нередко становятся предметом лингвистической экспертизы по искам об умалении чести и достоинства. Это – форма манипуляции сознанием реципиента (Седов 2003) через формирование скрытого смысла.

Прием помещения некоторого текста или его фрагмента в рубрику является одним из самых распространенных приемов создания скрытого смысла (Баранов 2007, с.38, Стернин 2011, с.34).

Анализ текстов, помещенных в подобные рубрики, показывает, что в публикуемом под подобной рубрикой тексте возникает скрытый смысл, который соотносит

содержание рубрики с содержанием последующего текста, формируя скрытое утверждение о содержании текста. Например, помещение текста, описывающего некоторое событие, в тематическую рубрику «Мошенничество», формирует скрытое утверждение «В следующем ниже тексте описывается мошенничество». Аналогично рубрика «Скандал» отсылает к утверждение типа «В следующем ниже тексте описывается скандал». Аналогично - «Ниже приводятся слухи», «Ниже описывается возможная версия событий» и под.

Данный прием создания скрытого смысла в тексте заключается в том, что смысловое содержание рубрики распространяется на последующий текст, придавая ему соответствующий смысл. Происходит иррадиация смысла рубрики на содержание последующего текста - *здесь описывается скандал, здесь приводятся слухи* и под. А.Н.Баранов называет данный прием создания скрытого смысла *приемом наследования модальности* (Баранов, с.38).

Использование этого приема в современной публицистике весьма распространено. Рубрики *Криминал, Мошенничество, Версия, Слухи, Скандал* и под. в современных СМИ получили исключительно широкое распространение. А.Н.Баранов приводит такой пример - подзаголовок «Легенда вторая». В статье сообщается, что герой купил видеоманитофон, посмотрел фильмы об Аль Капоне и образ предводителя преступного сообщества глубоко запал ему в душу. Это вполне конкретные фактологические утверждения, но они идут после слова *Легенда*, которое толковым словаре определяется так: «*2. вымышленный, приукрашенный рассказ о чем-л., ком-л.*». «Таким образом, называя повествование *легендой*, журналист снимает с себя ответственность за ее достоверность, соответствие текста действительности» (Баранов, с.57). В подобных случаях можно говорить о скрытом утверждении.

В таком случае, с одной стороны, неизбежно встает вопрос о правомерности подобных рубрик в СМИ - статья 51 Федерального Закона о СМИ гласит: «Недопустимость злоупотребления правами журналиста. **Не допускается** использование установленных настоящим Законом прав журналиста в целях сокрытия или фальсификации общественно значимых сведений, **распространения слухов под видом достоверных сообщений...**».

Однако нам неизвестны случаи применения на практике Закона к подобным рубрикам.

С другой стороны, возникает ряд лингвистических вопросов.

Первое: что понимают читатели под словами, обозначающими соответствующие рубрики (слухи, сплетни, версия и под.)?

Второе: если материал помещен, например, в рубрику *слухи, версия* – распространяется ли смысловое содержание рубрики на весь помещенный под этой рубрикой материал?

Третье: сохраняют ли при восприятии текста в своем сознании читатели информацию о том, что все содержание статьи – это только *слух* или *версия*?

Рассмотрим эти вопросы.

1. Что понимают читатели под словами, обозначающими соответствующие рубрики?

Рассмотрим семантику слова *слухи* в русском языковом сознании (семантика слова *версия* рассмотрена нами в работе Стернин 2012, с.110-114).

По данным Большого толкового словаря русского языка С.А.Кузнецова (1998). Новейшего большого толкового словаря русского языка С.А.Кузнецова (2008) слово *слух*, его синонимы и однокоренные слова имеют следующие значения:

Слух

3. Весть, известие о чем-л., молва, толки. *Сеять, распространять слухи. Верить слухам. Ложные слухи. Тревожный слух. Темные слухи. Слухи о каком-либо происшествии. Слухи о чье-либо смерти. Слух о его приезде дошел и до нас. Слухи не*

подтвердились. Ни слуху, ни духу о ком, чем-либо (никаких известий. Сведений) Знаю об этом по слухам (по рассказам других). Слушок (уменьш.)

Сплетня

Слух о ком-, чем-л., основанные на неточных или заведомо ложных сведениях. *Пусть сплетню. Я не верю, это сплетни. Ходят сплетни. Что вы уезжаете.//* обычно мн. Распространение таких слухов. *Заниматься сплетнями.*

Сплетник – тот, кто сплетничает.

Сплетничать – распространять сплетни, заниматься сплетнями.

Молва

Слухи, толки. *Людская молва. Разнеслась молва. Идет молва о повышении цен. Распускать молву о ком-л.*

Толки

3. обычно мн. Разговоры. Пересуды. *Разнообразные. Шумные толки Множество толков. По городу ходят разные толки.*

Пересуды

2. только мн. Недоброжелательное обсуждение чьего-либо введения поступков и т.п.; толки, сплетни. *Бабы пересуды. Пошли по деревне толки да пересуды. Суды да пересуды. Разговоры, толки, сплетни.*

«Словарь русского языка» С.И.Ожегова (1983):

Слух

3. Молва, известие о чем-либо, обычно ничем не подтвержденное. *Пусть слух. Ложный слух. Не всякому слуху верь. Ни слуху, ни духу.*

Сплетня

Слух о ком-чем-л., основанный на неточных или заведомо ложных сведениях. *Пусть сплетню. Обывательские сплетни.*

Сплетник – человек, который сплетничает

Сплетничать – заниматься сплетнями.

Молва – слухи, толки. *Людская молва*

Толки (разг.) Разговоры, слухи, пересуды. *Пошли толки. Не придавать значения толком. Пустые толки*

Пересуды

Разг. Досужие объяснения, пустые разговоры, сплетни. *Начались бабы пересуды.*

Результат свободного ассоциативного эксперимента со стимулом *слухи*:

Слухи 100 - сплетни 39, разговоры 3 вранье, ложь, негатив, неправда, разговор 2, ассоциации, бабки на лавочке, болтовня, которую собирают люди, возможные шептания о чем-либо или ком-либо, девушки, завистливые люди, которые и распространяют эти слухи, зависть, информация о ком-либо, информация, зачастую недостоверная, передающаяся от одного лица к другому, клевета, кто-то треплет языком, листочек, ложная информация, люди, мифы, мухи, наговоры, неправдивое вранье, неверная информация, неверные высказывания, расползающиеся по населению, негативная непроверенная информация, негативная оценка, недостоверная информация, неподтвержденная информация, неправда в большинстве, неправда, неприятные, часто неправдивые рассказы, неточное изложение каких-либо фактов, обсуждение за спиной, обсуждение кого-либо (ложное), обсуждения, обычные, оскорбление, грязный рот, обсуждение кого-либо, очень неприятное явление, особенно о себе, передача информации от лица к лицу, не всегда достоверной, пустили, пустые разговоры, разговор «за спиной», разговор, не имеющий точного подтверждения, разговоры других людей, которые обсуждают человека в его отсутствие, разговоры,

которые распространяются без главного человека этого события, раздражают, раздражение, распространение, распространение, распространение, рассказ кому-либо о тайне любого другого человека, ссоры, то, что говорят через несколько человек, то, что обсуждается среди людей, то, что передают через несколько рук, трепет, уши, что-то неточное, что-то низкое, я думаю, как проходят мои годы 1.

Семантическая интерпретация результатов ассоциативного эксперимента со стимулом *слухи* (Попова, Стернин 2007, с.168) позволяет выделить следующие психолингвистические значения лексемы *слухи* (сначала приводится краткая дефиниция в опоре на основные семы, затем полная):

1. Ложная 14 или недостоверная 3 информация 2, которая обсуждается в личных разговорах между людьми 12 за спиной обсуждаемого человека 5, вызывает негативное отношение 7.

Синоним: сплетни 39.

Информация 2 (*информация о ком-либо 1, информация 1*) личного характера о ком-либо 1 (*рассказ кому-либо о тайне любого другого человека 1*), которую распространяют 2 (*распространение 2*) люди 1 (*люди 1*), ложная 14 (*вранье 2, ложь 2, неправда 3 наговоры 1, ложное 1, неверная информация 1, неправда в большинстве 1, неправдивое вранье, клевета, неподтвержденная информация 1*), недостоверная 3 (*разговор, не имеющий точного подтверждения 1, информация, зачастую недостоверная 1, передача информации, не всегда достоверной 1*), обсуждается в личных разговорах между людьми 12 (*разговоры 5, разговор 2, обсуждение 1, обсуждение кого-либо 1, информация, передающаяся от одного лица к другому 1, передача информации от лица к лицу 1, то, что обсуждается среди людей 1*), которые ведутся за спиной обсуждаемого человека 5 (*обсуждение за спиной 1, возможные шептания о чем-либо или ком-либо 1, обсуждают человека в его отсутствие 1, разговор «за спиной» 1, разговоры, которые распространяются без главного человека этого события 1*), передается через нескольких человек 2 (*то, что передают через несколько рук 1, то, что говорят через несколько человек 1*), ее слушают 1 (*уши 1*), распространяют девушки (*девушки 1*), пожилые женщины (*бабки на лавочке 1*), результат зависти к человеку 2 (*зависть 1, завистливые люди, которые и распространяют эти слухи 1*), является оскорблением 1 (*оскорбление 1*), ведет к ссорам 1 (*ссоры 1*), вызывает негативное отношение 7 (*негатив 2, негативная оценка 1, что-то низкое 1, очень неприятное явление, особенно о себе 1, грязный рот 1 раздражение 1*).

Синоним: сплетни 39.

2. Болтовня 3, представляющая собой ложную 14 или недостоверную 7 информацию 2, обсуждаемую в личных разговорах между людьми 12.

Информация 2 (*информация о ком-либо 1, информация 1*), распространяемая 2 (*распространение 2*) людьми 1 (*люди 1*), в личных разговорах 12 (*разговоры 5, разговор 2, обсуждение 1, обсуждение кого-либо 1, информация, передающаяся от одного лица к другому 1, передача информации от лица к лицу 1, то, что обсуждается среди людей 1*), непублично 1 (*возможные шептания о чем-либо или ком-либо 1*), которая становится известна широкому кругу людей 2 (*расползающиеся по населению 1, то, что обсуждается среди людей 1*), ее слушают 1 (*уши 1*), недостоверная 7 (*разговор, не имеющий точного подтверждения 1, информация, зачастую недостоверная 1, недостоверная информация 1, передача информации, не всегда достоверной 1, мифы 1, ассоциации 1, неточное изложение каких-либо фактов 1*),

ложная 14 (*вранье 2, ложь 2, неправда 3 наговоры 1, ложное 1, неверная информация 1, неправда в большинстве 1, неправдивое вранье, клевета, неподтвержденная информация 1*), негативная 1 (*негативная информация 1*), передается через нескольких человек 2 (*то, что передают через несколько рук 1, то, что говорят через несколько человек 1*), распространяют девушки (*девушки 1*), пожилые женщины (*бабки на лавочке 1*), представляет собой болтовню 3 (*трёх 1, кто-то треплет языком 1, болтовня, которую собирают люди 1*).

Сочетаемость 3: распускать слухи, пустили слухи, обычные слухи 1

Неинтерпретируемые реакции: я думаю, как проходят мои годы 1, листочек 1, мухи 1 (фонетическая ассоциация).

Таким образом, *слухи* это:

1. Негативная ложная или непроверенная информация, о каком-либо человеке заочно, распространяемая в личных разговорах за его спиной, неод. *Синоним*: сплетни. *Распускать слухи. СИЯ 93*

2. Болтовня, представляющая собой ложную или недостоверную информацию, обсуждаемую в личных разговорах между людьми. *Обычные слухи. Ходят слухи о повышении цен. СИЯ 41.*

Яркость второго значения в два раза меньше яркости первого.

2. Распространяется ли смысловое содержание рубрики на весь помещенный под этой рубрикой материал?

Теоретически – распространяется, но анализ механизмов восприятия текста показывает, что это происходит далеко не всегда. Правило *наследования модальности* (Баранов, с.38) действует в тексте весьма ограниченно. Необходимо согласиться с А.Н.Барановым, что правило наследования модальности действует в первую очередь **в отношении небольших текстов**. Вряд ли можно, например, считать обоснованным иррадиацию смысла рубрики на все речевые высказывания, содержащиеся в большом по объему тексте, даже если его название содержит слова типа *гипотеза, предположение, версия* и т.д. (Баранов, с.38).

3. Сохраняют ли при восприятии текста в своем сознании читатели информацию о том, что все содержание статьи – это только *слух* или *версия*?

Например:

Слухи

Дочь Киркорова при смерти

Как нам сообщили, дочь Киркорова серьезно больна. Она помещена в больницу. Два дня никаких сведений о ней не поступало. Сам Киркоров комментировать что-либо отказывается.

Такой текст в рубрике **Слухи** воспринимается читателями как *содержащий недостоверные сведения* – после прочтения такого текста в сознании читателя остается вероятностный семантический компонент «недостоверность» (при условии, что читатель заметил название рубрики и соотнес с ней текст).

Но если текст большой по размеру – например, половина газетной полосы или более, информация о возможной недостоверности текста под рубрикой *Слухи* или *Версия* в сознании реципиента после прочтения текста значительно ослабляется или не сохраняется вообще. Читатели быстро забывают, что воспринимаемый материал

обозначен как *слухи* или *версия* и воспринимают и запоминают конкретные скрытые утверждения, содержащиеся в тексте, как достоверные фактологические (подчеркнем - обычно негативные) утверждения.

При этом в сознании реципиента формируются скрытые смыслы отдельных высказываний, отдельных фрагментов текста и обобщающий (результатирующий, итоговый, интегральный) скрытый смысл текста, складывающийся в его сознании после прочтения всего текста.

Скрытые смыслы отдельных высказываний в тексте накапливаются в сознании реципиента по мере чтения им текста и формируют итоговый (обобщающий, результирующий) смысл или смыслы текста, которые остаются в сознании реципиентов после прочтения всего текста.

На формирование итогового (интегрального, результирующего) скрытого смысла текста важное влияние в больших текстах) оказывает закон *кумуляции* (накопления и усиления) *оценки*, действующий на протяжении восприятия всего текста и определяющий итоговую оценочность результирующего смысла. Кумуляция негативных оценок приводит к негативному итоговому (результатирующему) смыслу.

При анализе восприятия текста и при его экспертизе принципиально важна и наиболее существенная не *форма языкового оформления* некоторого скрытого смысла, а *результат коммуникативного воздействия* текста, то есть важно то, **что восприняли** реципиенты текста. Именно это является существенным для экспертизы текста, содержащего скрытые смыслы.

В связи с этим, если, к примеру, рубрика, подзаголовок «Версия» или употребленное в тексте утверждение о том, что далее будет излагаться «версия», предваряет большой по объему текст, воспримут ли читатели сообщаемую в таком тексте информацию как предположения или фактологические утверждения, остается открытым. Опыт показывает, что смысл рубрики «Версия» или текстового маркера версия (*«изложим нашу версию событий»*) не будет распространяться на все высказанные в прямой или косвенной форме утверждения, и это можно установить путем проведения психолингвистического рецептивного эксперимента с текстом (то есть эксперимента на восприятие текста) – предложить испытуемым сформулировать или выбрать из предложенного списка те конкретные утверждения, которые они усвоили из текста (Стернин 2011, с.38-57). В таком случае будет установлен реальный коммуникативный результат речевого воздействия текста на читателя, вне зависимости от семантики слов, именующих рубрики, подзаголовки или являющихся модальными маркерами текста.

Приведем пример использования рецептивного эксперимента в анализе большого по объему текста СМИ (3 газетных полосы), содержащего многочисленные указания на то, что в нем высказывается *версия* происходящего.

Испытуемым (всего было опрошено 225 человек, мужчины - 79, женщины - 143, до 25 лет – 160 человек, 26-60 лет – 48 человек, старше 60 лет – 14 человек) было предложено следующее задание:

«Прочитайте подряд предложенные Вам тексты и отложите их в сторону. Ответьте на вопросы:

1. *Какие высказывания из предложенного ниже списка наиболее точно соответствуют выводам, сделанным Вами после прочтения статей как единого текста?*

Отметьте в предложенном вам списке галочкой или крестиком те утверждения, которые, по Вашему мнению, наиболее точно передают смысл, сформировавшийся лично у Вас после прочтения текста.

Вы можете выбрать одно утверждение, несколько утверждений или не выбрать ни одного, если они не отражают Вашего понимания текста.

Вы можете также самостоятельно сформулировать утверждение или утверждения, воспринятые Вами в тексте, и записать их в оставленные для этого свободные строки.

Нас интересует Ваше личное понимание, поэтому все Ваши возможные ответы будут правильными.

2. Какой общий смысл возникает при прочтении статей как единого текста?

Отметьте в предложенном вам списке галочкой или крестиком те обобщенные смыслы, которые, по вашему мнению, наиболее точно передают тот общий смысл, который сформировался у вас после прочтения текста.

Вы можете выбрать 1 смысл, несколько смыслов или не выбрать ни одного, если они не отражают ваше обобщенное понимание текста.

Вы можете также самостоятельно сформулировать смысл или смыслы, воспринятые Вами в тексте, и записать их в оставленные для этого свободные строки».

Испытуемым были предложены 33 конкретных и 3 обобщающих утверждения, выявленные в тексте и выраженные в тексте автором в виде скрытых утверждений (преимущественно в форме версии или предположения).

Наиболее яркими утверждениями, подтвержденными испытуемыми в процессе чтения текста, оказались следующие:

1. «Связьстрой-1» и «Воронежтелекабель» ведут непрозрачный бизнес (подтверждено 82,2% испытуемых);

2. «Связьстрой-1» и «Воронежтелекабель» наносят ущерб государству в виде серьезной неуплаты налогов (подтверждено 75,1% испытуемых);

3. Неуплата компаниями «Связьстрой-1» и «Воронежтелекабель» налогов – это вызов налоговикам, правоохранительным органам, бюджетам всех уровней, региональной власти, губернатору (подтверждено 75,1% испытуемых);

4. «Связьстрой-1» и «Воронежтелекабель» уклоняются от уплаты налогов, часть зарплаты выдают в конвертах, в обход налогообложения, используют фирмы – «однодневки» (подтверждено 75,1% испытуемых);

5. Руководитель «Связьстрой» Дорошенко знает, что его предприятие не платит налоги (подтверждено 75,1% испытуемых);

6. Михаил Кирпичев и его патрон Василий Дорошенко нарушают закон в сфере уплаты налогов (подтверждено 75,1% испытуемых);

7. Дорошенко и Кирпичев недоплачивают налоги (подтверждено 75,1% испытуемых);

8. Связьстрой-1 и Воронежтелекабель недоплачивают налоги и используют «фирмы-однодневки» (подтверждено 75,1% испытуемых);

9. Некоторые подробности деятельности Дорошенко и Кирпичева заслуживают внимания правоохранительных органов (подтверждено 66,2% испытуемых);

10. Предприятие «Связьстрой-1» недоплачивает налоги государству (подтверждено 75,1% испытуемых);

11. Налоговики заставили «Связьстрой-1» доплатить налоги (подтверждено 75,1% испытуемых);

12. М. Кирпичев, используя свое положение депутата и партийца, через подставных лиц (пенсионеров- льготников Панинского района) получил земельные участки в селе Рыкань с последующей их передачей менеджменту ОАО «Связьстрой-1» и помощникам этой организации (подтверждено 67,1% испытуемых);

13. Дорошенко и Кирпичев замешаны в схемах незаконного приобретения земельных участков через подставных лиц (подтверждено 67,1% испытуемых);

14. Незаконная деятельность Дорошенко и Кирпичева представит интерес для правительства области, надзирающих ведомств и других структур, осуществляющим контроль за законностью действий граждан и организаций (подтверждено 66,2% испытуемых);

15. Руководство компаний ОАО «Связьстрой-1» и ЗАО «Воронежтелекабель»

занимается сомнительными махинациями (подтверждено 64,9 % испытуемых);

16. Предприятие «Воронежтелекабель» решило продвинуть в органы власти Кирпичева, чтобы он лоббировал прибыльные проекты и прикрывал фирму от проверок по неуплате налогов (подтверждено 64% испытуемых);

17. Кирпичев и Дорошенко, имея депутатский мандат, могут успешно скрыть от фискальных структур свои финансовые махинации (подтверждено 62,2% испытуемых);

18. Кирпичев незаконно получил кредит 214 млн. р. для своего предприятия (подтверждено 62,2% испытуемых);

19. Предприятия «Связьстрой» и «Воронежтелекабель» мало платят своим сотрудникам, не заботятся о них (подтверждено 53,8% испытуемых).

Результаты эксперимента показали, что 19 предложенных испытуемым утверждений подтверждены более чем половиной испытуемых, что однозначно свидетельствует о реальном усмотрении читателями данных утверждений в тексте независимо от того, выражены ли они в конкретном фрагменте текста в прямой (эксплицитной) или косвенной (скрытой) языковой форме (например, как версия, предположение). Большая часть реципиентов, таким образом, однозначно воспринимает данные утверждения как *сообщенную в тексте фактологическую информацию* о фактах или событиях, относящихся к деятельности ОАО «Связьстрой - 1» и/или ЗАО «Воронежтелекабель».

В ходе эксперимента были также подтверждены три обобщающих (результатирующих) смысла, формирующиеся у читателей при прочтении всех текстов как целого:

Предприятия «Связьстрой-1» и «Воронежтелекабель» нарушают законы и моральные нормы (подтверждено 75,6% испытуемых);

Предприятиями «Связьстрой-1» и «Воронежтелекабель» должны заняться правоохранительные органы (подтверждено 71,1% испытуемых);

Руководители предприятий «Связьстрой-1» и «Воронежтелекабель» Дорошенко и Кирпичев недостойны быть депутатами (подтверждено 58,2% испытуемых).

Подведем итоги. Жанр *слухи (непроверенная информация)* – реальный жанр современных СМИ, противоречащий Федеральному закону о печати. Цель журналистских текстов, предлагаемых читателю под рубриками *Слухи, Слетни, Версия* и под. – сообщить преимущественно негативную или шокирующую, сенсационную информацию. Смысловое содержание заявленной рубрики формирует скрытый смысл текста, который совпадает с семантикой рубрики только в небольших по объему текстах. В больших по объему текстах название рубрики практически не влияет на восприятие смысла текста как содержащего те или иные утверждения, которые воспринимаются большинством читателей как фактологические утверждения.

Эти утверждения реально усматриваются читателями в тексте, могут быть выявлены и подтверждены экспериментально и в силу этого могут явиться предметом судебного иска об умалении деловой репутации.

В лингвистической экспертизе подобных текстов надо выявлять содержащиеся в тексте скрытые утверждения, подтверждать их методом рецептивного эксперимента и давать моральную и юридическую оценку их содержания.

Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. – М.: «Восток-Запад», 2007. – 314 с.

Седов К.Ф. О манипуляции и актуализации в речевом воздействии // Проблемы речевой коммуникации. Саратов: Изд-во СГУ, 2003. Вып. 3.

Стернин И.А. Анализ скрытых смыслов в тексте. – Воронеж: «Истоки», 2011. – 67 с.

Стернин И.А. Слово версия и рубрика «Версия» в текстах СМИ и языковое сознание носителя языка // Культура общения и ее формирование. – Вып. 25. – Воронеж: «Истоки», 2012. – С.110-114.

*Опубликовано в: Жанры речи. – Вып.8
-Саратов-Москва: «Лабиринт», 2012.
– С.169-179.*

Стернин И.А., Шепелевич С.И.

Откат и взятка: семантический и юридический подходы

*То, что можно выпить или съесть
в течение получаса, взяткой не считается.
Афоризм мелких служащих*

Врач - пациенту, вынимающему из сумки
принесенные врачу гостинцы:
- Кто вам разрешил
так бездарно тратить мои деньги?

-Спасибо вам большое, доктор!
- Я спасибо не пью!

- Не знаю, как вас благодарить!
- Ну что вы, с тех пор, как человечество
изобрело деньги, это не проблема...

Для исследования в рамках лингвистической экспертизы был представлен следующий текст:

А вообще Иванов молодец - купил объект, который с 2007 года продавался за 20 млн. - за 32 !!! Супер. Погасил кредит за Х5 и купил квартиру, сейчас стройку закончит, остаток долга за хату погасит. Все- таки у Петрова (владелец риэлтерской фирмы), я 2 года замом проработал, так что информацию об откате имею.

Для целей установления смысла текста и факта наличия в нем негативных сведений об Иванове необходимо, в частности, установить значение слова «откат».

В русском языке слова *откат*, *откатить*, *откатиться* означают *отодвинуть*, *отодвинуться*, *переместиться в сторону*, *назад* (С.И.Ожегов. Словарь русского языка. – Москва, 2004).

Словарь С.И.Кузнецова дает следующие значения слова *откатить*:

1. Катя, переместить в сторону (*откатить бревно*)
2. Быстро отъехать (*откатить на тройке*)

Слово *откат*, по данным этого словаря, имеет эти же два значения, что и слово *откатить*, и третье - обратное движение ствола или всего орудия после выстрела (откат лафета, пушки).

Кроме того, интернет-источник «Википедия» дает следующие значения:

Откат — сленговое выражение; возвращение системы в одно из предыдущих состояний (например: «После сбоя системы администратор произвёл откат ко вчерашнему состоянию базы данных»)

Откат - смена направления движения рыночных цен после долгосрочной тенденции их роста или падения.

Однако в исследуемом тексте слово «откат» не использовано ни в одном из приведенных выше значений. Оно использовано для обозначения незаконной финансовой операции. В «Википедии» это значение уже нашло свое отражение:

откат — вид взятки должностному лицу предприятия, принимающему решение о расходовании денежных средств этого предприятия; уплачивается от суммы расходуемых средств (например: «Откат за закупку оборудования заводом именно в этой фирме получил главный инженер завода»).

Данное определение требует семантического и юридического уточнения.

Откат в подобных контекстах - неофициальное название части денежных средств, выделяемых на выполнение работ по государственному заказу, которую исполнитель заказа в благодарность за получение данного заказа возвращает заказчику в лице чиновника, руководителя государственного органа.

Откат - любое негласное вознаграждение служащего коммерческой фирмы или административного органа сторонними лицами или организациями за принятие выгодного им управленческого или хозяйственного решения в рамках его должностных полномочий (Денисов 2005).

Существуют разнообразные формы возврата денежных средств заказчикам со стороны исполнителей заказа, например зачисление заказчиков в число исполнителей конкретной работы по заказу и выплата им заработной платы из средств, полученных от заказчика на выполнение работы за счет завышения объемов или недоплаты реальным исполнителям и др. (Борисов 2003).

Таким образом, *откат* – разговорное обозначение некоторой суммы денег, неофициально уплачиваемых фирмой - исполнителем сотруднику фирмы-заказчика за получение соответствующего заказа. При этом откат уплачивается в тайне от руководства фирмы-заказчика.

Конкретный пример понятия «откат» приводит Денисов Д. (Территория отката // Бизнес-журнал, 2005. - № 8).

Знакомый владелец небольшого греческого отеля как-то поведал о своем «откатном» опыте. Один крупный немецкий туроператор решил выкупить у него номера на корню на весь летний сезон. Зная немцев как жестких переговорщиков, отельер сразу же наметил для себя последний рубеж — 30 долларов за номер в ночь. Приехавший менеджер в ходе многочасовых переговоров действительно ловко дождал его до этой цены. А потом вдруг загадочно улыбнулся и предложил: «Ладно, давайте все-таки вернемся к тому, с чего мы начали — 40 долларов в ночь. Из них пять долларов будем считать моим личным бонусом. По рукам?» «Наверно, это было не этично, но я согласился: контракт был нужен мне, как воздух», — рассказывал отельер, сокрушенно качая головой.

Наблюдения показывают, что понятие «откат» вошло в русский язык сравнительно недавно, потеснив такие понятия, как «взятка» и «коммерческий подкуп». Действительно, все существующие определения отката есть «перевод» с юридического на обыденный русский язык статей 204-й (коммерческий подкуп) и 290-й (получение взятки) Уголовного кодекса Российской Федерации. Необходимо разграничить эти понятия.

Под коммерческим подкупом понимается «незаконная передача лицу, выполняющему управленческие функции в коммерческой или иной организации, денег, ценных бумаг, иного имущества, а равно незаконное оказание ему услуг имущественного характера за совершение действий (бездействия) в интересах дающего в связи с занимаемым этим лицом служебным положением» (ст.204 УК РФ).

Определение понятий «взятка» или «получение взятки» современной уголовный закон не дает, определяя лишь наказание за совершение таких действий. Однако понятие взяточничества можно вывести из ст. 290 УК РФ: это получение должностным лицом лично или через посредника *выгоды* в виде денег, ценных бумаг, иного имущества или выгод имущественного характера за действия (бездействие) в пользу взяткодателя или представляемых им лиц, если такие действия (бездействие) входят в служебные полномочия должностного лица либо оно в силу должностного положения может способствовать таким действиям (бездействию), а равно за общее покровительство или попустительство по службе.

Таким образом, понятие «взятка» охватывает абсолютно все незаконные получения должностными лицами любых материальных ценностей и не выраженных материально выгод имущественного характера.

Исчерпывающую дефиницию термину *взятка* дать невозможно, т.к. формы взяточничества, порядок передачи ценностей от одного лица другому (напр., через цепь подставных лиц) в каждом конкретном случае очень индивидуализирован. Но однозначно можно сделать вывод о том, что действия по осуществлению отката при проведении финансовых операций являются не только аморальными, но и незаконными (Взяточничество. Уголовная ответственность за получение взятки. Уголовное право. Учебное пособие //Allpravo.Ru – 2005.)

Предложим вариант семантического разграничения понятий *взятка, коммерческий подкуп, откат* и ряда других близких к ним по значению слов.

В словаре С.А.Кузнецова *взятка* - деньги или материальные ценности, даваемые должностному лицу как подкуп, оплата действий в интересах дающего; *подкупить* – привлечь, склонить на свою сторону деньгами, подарками и т.п.

В бытовой речи *взяткой* называют любое действие, имеющее целью материально заинтересовать некоторое лицо в действиях, выгодных взяткодателю («да дали ему взятку, вот и все»).

Таким образом, можно считать, что взятка – это наиболее общий термин: материальные выгоды, передаваемые некоторому лицу в нарушение закона. Взятка обычно дается перед совершением противозаконного действия.

Коммерческий подкуп и *откат* – это частные виды взятки.

Коммерческий подкуп – это взятка должностному лицу, *выполняющему управленческие функции*. Коммерческий подкуп обычно осуществляется перед совершением незаконного действия.

Откат – вид взятки должностному лицу в виде возврата ему части суммы заключенного контракта или совершенной покупки. Обычно осуществляется после совершения незаконного действия.

К этим понятиям в русском языке близки такие как *благодарность* и *угощение*.

Угощение – «отплата» за оказанную услугу в форме угощения, приглашения в гости, в ресторан. Это чисто русское явление, обычно применяющееся в случае невысокого общественного положения взяткодателей и взяткополучателей.

Благодарность в подобных контекстах в русском языке - эвфемизм, заменяющий слово «взятка», переносимый ее передачу на «после события». Заинтересованные лица говорят тем, от кого зависит решение их вопроса – «мы вас отблагодарим», «мы в долгу не останемся» и под. Благодарность в таком случае понимается весьма широко – от реально словесной благодарности до угощения, подарков, в том числе и очень дорогих,

оказания определенных услуг, предоставления льгот и т.д. Благодарность также «осуществляется» обычно не на самом высоком общественном уровне.

Кроме того, со стилистической точки зрения рассматриваемые слова имеют разную сферу употребления в языке.

Взятка – в быденном языке стилистически нейтральное слово с неодобрительным компонентом, а также термин в юридическом подязыке; *коммерческий подкуп* – это юридический термин, а *откат*, *благодарность*, *угощение* (в указанных значениях) – разговорные слова быденного языка; у слова *откат* в настоящее время наблюдается тенденция к терминологизации.

Исходя из изложенного и из смысла текста, представленного на экспертизу, можно сделать следующие выводы.

Причина покупки объекта за завышенную цену – это вероятный «откат» продавца покупателю: часть денежных средств из разницы цены продажи и покупки была возвращена продавцом покупателю, т.е. Иванову. Именно благодаря «откату» Иванов смог купить квартиру, погасить кредит и в будущем сможет закончить стройку и погасить остаток долга за «хату».

Таким образом, исследуемый текст содержит имплицитное (скрытое) фактологическое предположение о получении Ивановым отката при продаже объекта, что является негативной информацией в отношении Иванова.

Исследование содержания, структуры языковых средств спорного текста показывает, что в нем есть три отдельных фрагмента, каждый из которых несет эксплицитный и имплицитный (скрытый) смысл, которые затем интегрируются в более общие скрытые смыслы.

Первый фрагмент

А вообще Иванов молодец - купил объект, который с 2007 года продавался за 20 млн. - за 32 !!! Супер!

Прямой смысл – *Иванов купил объект за цену дороже той, которую предлагали.*

Скрытый смысл первого фрагмента – *Иванов глупо поступил.*

Скрытый смысл выражен ироническими средствами – слово *молодец* использовано в ироническом, то есть противоположном своему прямому одобрительному значению смысле – то есть означает «глупец» (неодобрительное).

Рецептивная схема актуализации смысла (о рецептивных схемах понимания скрытого смысла текста см. Стернин 2011) – *Покупать дороже, чем предлагают, коммерчески невыгодно (глупо).*

Из данного скрытого смысла выводится скрытый смысл второго порядка – то есть смысл, выводимый из предыдущего, первичного скрытого смысла методом умозаключения: *Иванов получил от данной сделки выгоду.*

Рецептивная схема актуализации смысла второго порядка – *бизнесмен не будет работать себе в убыток, совершать невыгодные для себя покупки; покупки бизнесмена всегда направлены на получение выгоды.*

Таким образом, результирующий скрытый смысл первого фрагмента – *Иванов получил от данной сделки выгоду.*

Второй фрагмент

Супер! Погасил кредит за Х5 и купил квартиру, сейчас стройку закончит, остаток долга за хату погасит.

Слово *супер* в равной степени относится и к первому, и ко второму фрагменту, являясь связующим смысловым звеном между ними.

В данном контексте в наименовании *Х5* актуализируются семантические компоненты «престижный и дорогостоящий автомобиль марки BMW».

Прямой смысл – *Иванов погасил кредит за престижный дорогостоящий автомобиль и скоро выплатит долг за квартиру.*

Скрытый смысл второго фрагмента - *материальное положение Иванова в последнее время резко улучшилось.*

Рецептивные схемы актуализации смысла:

затраты на дорогостоящие предметы свидетельствуют о материальном благосостоянии лица, приобретающего эти предметы;

возникшая возможность отдать долги свидетельствует о возросшем материальном благосостоянии человека.

Третий фрагмент

Я у владельца риэлтерской фирмы 2 года замом проработал, так что информацию об откате имею.

Прямой смысл – *я из опыта работы в риэлтерской фирме знаю, что такое откаты.*

Скрытый смысл третьего фрагмента - *я знаю, что в коммерческой деятельности получают откаты.*

Рецептивная схема актуализации смысла - *опыт работы в коммерческой фирме позволяет мне распознавать типичные коммерческие махинации (незаконные действия)*

Таким образом, в тексте выражены следующие скрытые смыслы:

1. *Иванов получил от данной сделки выгоду.*
2. *Материальное положение Иванова в последнее время резко улучшилось.*
3. *Я знаю, что в коммерческой деятельности получают откаты.*

Все три скрытых смысла рассмотренных фрагментов спорного текста в сознании читателя после прочтения всего текста интегрируются в обобщающий (интегральный) смысл третьего порядка - то есть скрытый смысл, выводимый из предыдущих скрытых смыслов второго и первого порядков:

ИВАНОВ УЛУЧШИЛ СВОЕ МАТЕРИАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ, ПОСКОЛЬКУ ПОЛУЧИЛ ОТКАТ.

Рецептивная схема актуализации смысла:

Резкое (внезапное, неожиданное для окружающих) улучшение материального положения лица свидетельствует о его обогащении посредством нарушения закона

Это вариант типично русской ментальной схемы - *богатство не может быть нажито честным путем* (Прохоров Ю.Е. Стернин И.А. Русские: коммуникативное поведение. – М.: Флинта-Наука, 2007. – С.92).

Таким образом, автор в косвенной языковой форме (через механизм формирования и взаимодействия скрытых смыслов языковых высказываний) сообщает информацию, что Иванов получил откат, что и позволило ему улучшить свое материальное положение.

Дополнительным лингвистическим доказательством того, что автор текста утверждает, будто Иванов получил откат, является финальная позиция информации об откате в тексте - эта информация в сильной позиции, в абсолютном юнце текста, что свидетельствует о том, что эта информация является ремой, то есть той информацией, сообщение которой является целью данного сообщения.

Например:

Он совершил **ПРАВОНАРУШЕНИЕ** - он совершил **ИМЕННО ПРАВОНАРУШЕНИЕ**

Правонарушение совершил **ОН** - это сделал **ИМЕННО ОН**

Правонарушение он **СОВЕРШИЛ** - он это правонарушение **ДЕЙСТВИТЕЛЬНО СОВЕРШИЛ**

В спорном тексте финальную позицию занимает слово *откат*, что свидетельствует, что целью автора сообщения было передать информацию о получении Ивановым отката.

На базе данного смысла в сознании реципиента (ИВАНОВ УЛУЧШИЛ СВОЕ МАТЕРИАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ, ПОСКОЛЬКУ ПОЛУЧИЛ ОТКАТ) также формируется скрытый смысл четвертого порядка, выводящийся из смысла третьего порядка - «ИВАНОВ ЯВЛЯЕТСЯ ПРАВОНАРУШИТЕЛЕМ, СЛЕДОВАТЕЛЬНО, ЕГО НАДО НАКАЗАТЬ ПО ЗАКОНУ».

Рецептивные схемы, актуализирующие данный смысл - «Правонарушителей необходимо наказывать по закону», «Вор должен сидеть в тюрьме».

Таким образом, в спорном тексте усматриваются четыре уровня скрытых смыслов, и в результирующем интегральном смысле сообщается, что Иванов является правонарушителем, который должен быть наказан по закону. Скрытые смыслы отражают утверждения, сделанные автором в косвенной языковой форме.

Борисов А.Б. Большой экономический словарь. — М.: Книжный мир, 2003. — 895 с..
Взятничество. Уголовная ответственность за получение взятки. Уголовное право. Учебное пособие // Allpravo.Ru – 2005.

Денисов Д. Территория отката // Бизнес-журнал, 2005. - № 8.

Прохоров Ю.Е. Стернин И.А. Русские: коммуникативное поведение. – М.: Флинта-Наука, 2007. – С.92.

Стернин И.А. Анализ скрытых смыслов в тексте. Уч. пособие. Воронеж: «Истоки», 2011.- 63 с.

Опубликовано в:
Язык и национальное сознание.
– Вып. 18. – Воронеж: «Истоки», 2012.
– С. 133-139

Метод аппликации ментальных схем в выявлении скрытого смысла высказывания (по материалам лингвистической экспертизы текста)

Важнейшим аспектом лингвистической экспертизы текста является выявление и описание скрытых смыслов.

Скрытый смысл – это неявный смысл, открывающийся реципиенту текста не сразу, а в результате некоторой осуществляемой по определенным правилам, ментальным схемам мыслительной операции, в результате интерпретации реципиентом воспринятых им языковых единиц, высказываний, текстовых фрагментов.

Для описания неявного (скрытого) смысла высказывания или текста в целом используются термины *подтекст*, *намек*, *имплицитный смысл*, *имплицитная информация*, *второй план*, *косвенный смысл*, *скрытый смысл*.

Из этих терминов слово *намек* представляется наименее адекватным для экспертного анализа – это скорее нетерминологическое слово, которое имеет преимущественно бытовой характер и относится к обыденным ситуациям (*он намекнул на деньги; на что вы намекаете, нахал?*, но нельзя сказать – *в романе писатель намекает на...*, хотя, видимо, можно сказать *в статье журналист намекает на...*).

Термин *подтекст* относится чаще к большим по объему текстам и описывает результат осмысления целого текста (обычно художественного или публицистического).

Термин *скрытый (имплицитный) смысл* представляется наиболее удобным для использования в лингвистической экспертизе. Это обобщенное понятие, оно относится и к тексту, и к отдельному высказыванию.

Механизм восприятия скрытого смысла текста можно представить следующим образом.

На стадии восприятия текста реципиент воспринимает языковые единицы органами чувств.

Восприятие текста – это отражение языковых единиц органами чувств в сознании.

На стадии понимания текста реципиент идентифицирует значения воспринятых языковых единиц. Идентификация значения представляет собой «узнавание» значения языковой единицы.

Эксплицитная языковая информация реципиентом идентифицируется посредством сопоставления воспринятых языковых единиц с образами языковой памяти – эти языковые единицы опознаются реципиентом как имеющие некоторое конкретное семантическое содержание, то есть отражающие определенную связь языковых единиц с действительностью.

Значения языковых единиц извлекаются из языковой памяти, затем в языковом сознании осуществляется *синтез смысла* – увязывание идентифицированных значений друг с другом в общий смысл высказывания и текста в целом. Например, высказывание *Мать брата моей жены ко мне хорошо относится* после идентификации реципиентом значений всех слов увязывается в общий смысл *Теща ко мне хорошо относится*. Этим завершается этап понимания эксплицитной информации. Если реципиент не осуществляет синтеза смысла (а он может этого не сделать в силу самых разных причин – неумения, нежелания, незнания отдельных слов, усталости, наконец), высказывание остается воспринятым, но непонятым.

Имплицитная языковая информация извлекается из эксплицитной при помощи определенных ментальных (когнитивных) схем, представленных в готовом виде в языковом сознании носителя языка (Баранов, с.452). Такие ментальные (когнитивные) схемы восприятия скрытого смысла текста удобно назвать *рецептивными* схемами, то есть присущими сознанию людей *схемами (моделями) понимания, используемыми в процессе восприятия (рецепции) текста*.

Рецептивные схемы языкового сознания основаны на сформировавшемся в сознании этноса или отдельной социальной группы на базе когнитивного и языкового опыта носителей языка понятии **равнозначности информации**: некая информация, переданная определенным эксплицитным способом, рассматривается языковым сознанием как равнозначная другой информации, которая в данном конкретном случае не выражена вербально, эксплицитно.

Подобные схемы формируются в сознании человека с возрастом и опытом общения (ребенок до 12 лет, по данным онтолингвистики, практически еще не имеет сформированных схем понимания скрытого смысла высказывания, он способен воспринимать лишь эксплицитную информацию).

Рецептивные схемы – принадлежность языкового сознания носителя языка. А.Н.Баранов указывает, что они должны повторяться, должны быть регулярно используемыми в обществе, чтобы служить носителям языка механизмом идентификации скрытого смысла.

Реципиент осуществляет восприятие и интерпретацию скрытого смысла высказывания или текста в целом путем применения определенных, регулярно актуализируемых в данной культуре мыслительных (ментальных, когнитивных) схем интерпретации того или иного типа высказываний или текстов – то есть путем *аппликации рецептивных (ментальных) схем*.

При этом реципиентом в акте интерпретации некоторой фразы с помощью конкретной рецептивной схемы устанавливается содержательная эквивалентность усмотренного им в тексте эксплицитного (явного) значения совокупности языковых единиц данной фразы и реконструируемого им же (реципиентом) скрытого смысла.

Аппликация реципиентом некоторой рецептивной схемы к конкретному высказыванию и установление тождества эксплицитной семантики и скрытого смысла, отраженного рецептивной схемой, представляет собой акт понимания скрытого смысла, скрытой (имплицитной) информации.

Рассмотрим некоторые такие схемы, наиболее часто используемые авторами в текстах, становящихся предметом лингвистической экспертизы (приводятся примеры их реальных экспертиз, имена и названия фирм заменены, некоторые примеры сокращены).

1. Информация об отказе того или иного лица, учреждения от комментариев по поводу какого-либо негативно оцениваемого общественностью факта, нарушения или события равнозначна утверждению о возможной причастности этого лица или учреждения к данному негативному факту.

В офисе компании «Ваш ремонт», по слухам, изъяли финансовую документацию. Представители компании от каких-либо комментариев отказались.

«В банке «Плацдарм» оперативники из индивидуальных ячеек, имеющих отношение к фигурантам расследования «дела оборотней», изъяли финансовую документацию на сумму около 100 млн рублей. От каких-либо комментариев по этому поводу представители банка «Плацдарм» отказались» (Баранов, с.182)

2. Сообщение об имевшем место упоминании имени некоторого лица в связи с какими-либо событиями, нарушениями и происшествиями равнозначно сообщению о причастности данного лица к указанным событиям, нарушениями и происшествиями

Его имя упоминалось и в связи со скандалом в «Росатоме».

Его имя всплывало при расследовании происшествия с аварийной посадкой самолета.

3. Сообщение о негативных фактах деятельности, правонарушениях друга, соратника, родственника, сотрудника, помощника, знакомого и т.д. некоего лица равнозначно сообщению о возможной причастности и данного лица к этим негативным действиям, правонарушениям (рецептивные схемы «скажи мне, кто твой друг – и я скажу, кто ты»);

Бывший сотрудник банкира Вадима Коренева попался на спекуляциях ворованными акциями.

Охранником у него работает некий Эдик, дважды судимый за разбой и хулиганство.

Двое бывших подчиненных Семенова отбывают срок за употребление наркотиков.

Кто адвокат Ю.Лужкова? Галина Крылова. Активный член секты сайентологов, защищала секту Аум Синреке, за ней стоит тоталитарная секта сайентологов.

И. Кобзон, как известно, был в дружеских отношениях с известным уголовным авторитетом А.Квантаришвили.

4. Негативная информация о детях какого-либо влиятельного лица равнозначна негативной информации о нем самом («яблоко от яблони недалеко падает»)

Его сына отчислили за неуспеваемость из университета, а дочь так и не смогла поступить в институт.

5. *Сообщение о недоступности лица, учреждения для выяснения журналистами подробностей некоторого негативного события равнозначна сообщению о стремлении лица или учреждения скрыть свою виновность в данном событии.*

Мы пытались дозвониться до фирмы «Сапсан», но их телефоны молчат.

Мы позвонили самому директору Семенову, но его телефон все время вне доступа.

5. *Сообщение информации о недостаточной расследованности, неясности роли некоторого лица или организации в некоторой противоправной ситуации равнозначна утверждению о возможной причастности данного лица или организации к этому преступлению*

В.Хлыстова уже неоднократно обвиняли в отмывании денег. До сих пор неясна и его роль и в афере с акциями «Водоканала».

Козлов развалил производство. Его управление банком привело к тому, что кредиторы потеряли 24,5 млн. долларов, а компания разжилась неплохими помещениями в центре Москвы. Да и роль г-на Козлова в нефтяной афере, связанной с компанией «Недолив», тоже до конца не ясна.

6. *Сообщение о фактах нарушения человеком некоторых норм равнозначно сообщению о ложности, недостоверности, неправомерности его слов, мнений, высказываний.*

На чьих показаниях построена защита? На показаниях ранее судимого Семенова.

М.М.Жванецкий: «что может сказать умного человек, который не поменял паспорта?»

-Какое право вы имеете...

-А кто вас сюда пропустил? Как вы сюда прошли?

7. *Утверждение, категорично противопоставляющее два факта, равнозначно утверждению о причинной связи между ними*

12000 москвичей не могут получить места в детских садах

13000 детей иммигрантов ходят в детские сады в Москве

Мигранты вывозят из страны миллиарды рублей

Миллионы русских живут в бедности

8. *Утверждение о том, что некоторое негативное событие произошло после другого, равнозначно утверждению, что оно является следствием предыдущего события (рецептивная схема «после того - значит вследствие того»).*

Семенов ушел из офиса последним. Утром в офисе обнаружили пропажу принтера.

9. *Побуждение к самостоятельному осмыслению приведенных негативных фактов равнозначно утверждению данного негативного факта (рецептивная схема «Думайте сами...»)*

Кто захватывает все должности, хлебные места, школы и детсады, где звучат только фамилии на -нян? Думайте сами.

10. *Напоминание кому-либо, что некто имеет инструмент, средство, оружие, равнозначно призыву к их использованию*

Армия, помни, у тебя есть оружие!
ОМОН что, забыл, что у него есть дубинки?

11. *Здравницы в честь людей, следующих некоторому призыву-лозунгу, равнозначны призыву следовать этому призыву-лозунгу:*

Да здравствуют люди, в груди которых один призыв звучит: «К оружию, товарищи!».

12. *Сообщение о доступности чего-либо равнозначно призыву приобрести это.*

И не надо думать, что оружие у нас трудно купить. Оружие продается у нас уже чуть ли не на рынках, и при желании достать его не сможет только ленивый. ...

И не надо жаловаться, что автобус редко ходит на ваш дачный участок! Подержанная машина сейчас не проблема ни доля кого.

13. *Утверждение о возможности чего-либо для каждого равнозначно призыву к каждому реализовать эту возможность.*

Необходима бескомпромиссная борьба с этим государством, которую в состоянии вести каждый.

14. *Категорическое утверждение о наличии некоторого права равнозначно призыву воспользоваться этим правом.*

Люди, у вас есть право на протест!
Граждане, у вас есть право потребовать отчет от ЖКХ!

15. *Утверждение о легкости изготовления, приобретения чего-либо равнозначно призыву изготовить, приобрести это.*

Любой отставной солдат, не будучи даже семи пядей во лбу, вполне в состоянии в бытовых условиях собрать компактную бомбу.

16. *Утверждение о необходимости что-либо уметь делать равнозначно призыву научиться это делать*

Всем мусульманам нужно уметь делать взрывчатку.

17. *Утверждение о необходимости соблюдения некоторого правила равнозначно призыву соблюдать это правило*

Нужно уступать места старшим!
Необходимо соблюдать чистоту.
На переходе требуется внимание!
Надо убирать за собой на пикниках!

18. *Вопрос о предполагаемой длительности или времени завершения какого-либо совершаемого кем-либо в настоящее время действия или занятия равнозначен призыву скорее завершить данное действие или занятие*

Хочется задать вопрос руководителям управляющей компании – когда же начнется ремонт крыши?

19. *Вопрос о дальнейшей возможности переносить то или иное негативное явление равнозначен призыву предпринять действия, направленные на устранение этого явления.*

Сколько можно терпеть унижения?

До каких пор мы будем подчиняться мошеннику и преступнику?

20. *Сообщение о том, что некий источник информации ранее совершал правонарушения, равнозначна информации о недостоверности сообщаемой им информации.*

На чьих показаниях построена в суде защита банкира Селезнева? На показаниях ранее судимого Семенова.

21. *Риторический вопрос о дальнейшей невозможности переносить что-либо негативное равнозначен призыву изменить положение и вмешаться в данную ситуацию.*

Сколько можно терпеть унижения?

До каких пор мы будем подчиняться мошеннику и преступнику?

22. *Информация о непроверенных негативных фактах, характеризующих деятельность некоторого лица или организации, равнозначна информации о возможной причастности этого лица или организации к этим фактам («нет дыма без огня»).*

Явно есть у него своя доля в этом контракте. Купил же он себе новое импортное авто? При таком крупном контракте не может быть такого, чтобы к его рукам что-нибудь не прилипло.

23. *Риторический вопрос по поводу вызывающей сомнения информации о ком-либо или чем-либо воспринимается как объяснение вызываемых сомнений*

(Официальная зарплата на предприятии низкая). В чем же здесь дело? А вдруг за этим кроется оптимизация налогов? А вдруг труженики предприятия получают дополнительно что-нибудь в конверте, в обход налогообложения? А вдруг в этих таинственных технологиях замешаны «фирмы-однодневки»?.

Актуализация рецептивной схемы при восприятии реципиентом конкретного высказывания или текста может заметно варьировать в зависимости от конкретных контекстуальных и экстралингвистических условий – одна и та же фраза может быть идентифицирована при помощи разных рецептивных схем в зависимости от широкого контекста и ситуации.

Кроме того, одна и та же рецептивная схема может иметь варианты – конкретные разновидности, обусловленные конкретной коммуникативной ситуацией.

Например:

Девушка в парке говорит кавалеру:
-Что-то холодно...

Молодой человек может воспринять скрытый смысл данного высказывания в опоре на следующую рецептивную схему:

Публичное сообщение о некотором испытываемом говорящем в данной ситуации неудобстве равнозначно призыву к присутствующим устранить данное неудобство

Ср.: Что-то дует. Как – то душно стало. Что-то сидеть стало неудобно. Что-то какое-то несоленое все. Что-то мне тяжело нести стало.

Для фразы *Что-то холодно*, произнесенной девушкой, у молодого человека есть нескольких конкретных вариантов идентификации ее скрытого смысла в рамках данной рецептивной схемы в зависимости от конкретной ситуации:

сообщение равнозначно призыву пойти домой

сообщение равнозначно призыву обнять девушку

сообщение равнозначно призыву накинуть на девушку пиджак

сообщение равнозначно призыву пойти в кафе

и др.

То, какой конкретно вариант рецептивной схемы будет использован молодым человеком в данной коммуникативной ситуации, зависит от его общего опыта общения, воспитания, культурного уровня, истории общения с данной конкретной девушкой, общей экстралингвистической ситуации (например, есть ли кафе в прямой видимости) и многих других факторов, не поддающихся учету при анализе «со стороны». При этом понимание скрытого смысла данной фразы молодым человеком может не совпасть с коммуникативным намерением девушки, или она может прибегнуть к тактике кокетства и сказать в ответ на реакцию молодого человека «я совсем не это имела в виду» - проверить, что она действительно имела в виду в момент речи, невозможно.

Таким образом, понимание скрытого смысла высказывания в тексте осуществляется по ментальным рецептивным схемам языкового сознания социума. Одно и то же высказывание может быть воспринято в опоре на несколько рецептивных схем, каждая из которых может иметь несколько конкретных коммуникативных вариантов. При анализе скрытого смысла первостепенную важность приобретает анализ всего контекста и полной ситуации порождения конкретного текста.

Рецептивные схемы языкового сознания некоторого социума теоретически могут быть исчислены. В тексте они обычно могут быть выявлены, идентифицированы и сформулированы для конкретного высказывания; варианты же рецептивных схем представляют собой, как правило, факультативную информацию, зависят исключительно от коммуникативной ситуации и могут быть идентифицированы лишь весьма приблизительно, четкому и конкретному описанию и формулированию обычно не поддаются.

Понимание больших текстов имеет свои закономерности восприятия. Очевидно, в частности, что реципиент большого текста также опирается на некоторые рецептивные схемы, предназначенные для понимания таких текстов. Этот вопрос еще очень мало изучен. Можно сказать, что рецептивные схемы больших текстов побуждают реципиента искать в тексте определенные смысловые блоки, ожидать и предвидеть их появление.

Так в лекции, публичном выступлении реципиент ожидает введение, аргументацию, заключение и выводы. В детективе – факт преступления, поиск доказательств,

выявление преступника. В оперетте – любовные приключения и жизнерадостный конец. В американских героических фильмах – страдания и испытания главного героя – одиночки, его героическое поведение, близость к гибели и хэппи-энд. В мелодрамах и любовных романах – страдания главной героини и героя, испытания на их пути и счастливый конец.

Таким образом, понимание скрытого смысла высказывания и текста осуществляется реципиентами в опоре на имеющиеся в их языковом сознании рецептивные схемы.

Продуцент текста, владеющий теми же рецептивными схемами, использует те или иные конкретные языковые приемы, чтобы сформировать соответствующий скрытый смысл в своем высказывании и тексте и натолкнуть реципиента на использование соответствующих рецептивных схем при идентификации передаваемого скрытого смысла при восприятии.

Мы полагаем, что в лингвистической экспертизе можно и нужно опираться не только на эксплицитные, но и на выводимые исследователем скрытые смыслы (следствия, скрытые утверждения), поскольку:

- Скрытые смыслы – неизбежная и неустранимая, часто весьма существенная (если не самая существенная) часть любого текста, особенно текстов, которые выносятся на лингвистическую экспертизу; причем часто именно для выражения скрытой информации соответствующий текст и создается, и эту информацию никак нельзя игнорировать при анализе смысла текста.

Как отмечает А.Н.Баранов, хотя никто этого специально не считал, но вполне очевидно, что имплицитная составляющая семантики языкового выражения существенно больше, чем эксплицитная, и она активно участвует в формировании смысла текста при его восприятии. Скрытые смыслы могут содержаться как в прямых, так и в косвенных высказываниях;

- Возможная вариативность вербализации скрытых смыслов – отражение действия закона множественности (неединственности) метаязыкового описания ментальных смыслов (Стернин Анализ скрытых смыслов...2011, с.34; Стернин, Рудакова. Психолингвистическое значение ...2011, с.5-9);

- Множественность (неединственность) метаязыкового описания скрытых смыслов (Стернин. Анализ скрытых смыслов... С.34-37) – это не недостаток, а реальная закономерность вербального описания любых ментальных единиц: одну и ту же ментальную единицу – значение, высказывание - можно описать разными словами, но смысл остается тем же, в сознании разных людей он все равно в основном совпадает, хотя они и выражают его словами по-разному, что подтверждает современная теория невербальности мышления (Л.С.Выготский, Н.И.Жинкин, И.Н.Горелов);

- Скрытые смыслы можно выявить методом аппликации ментальных схем (Стернин. Анализ скрытых смыслов... 2011);

- Выявленные и вербализованные скрытые смыслы можно верифицировать экспериментально при помощи рецептивного эксперимента (Стернин. Анализ скрытых смыслов... 2011). Об этом же пишет и А.Н.Баранов: «...Лингвopsихологическая и лингвосociологическая экспертиза в подобных ситуациях вполне уместна, ... опросы здесь вполне допустимы, но они должны проводиться в рамках лингвopsихологических или лингво-sociологических исследований» (Баранов, с.46). Таким образом, А.Н.Баранов обоснованно видит возможность установления содержания скрытой, имплицитной информации посредством социолингвистических и психолингвистических экспериментальных исследований (Баранов, с.46).

Экспертиза текста должна рассматривать как эксплицитные, так и скрытые утверждения (смыслы), дело только за разработкой методов их выявления, вербализации и верификации.

Баранов А.Н. Лингвистическая экспертиза текста. - М.: Флинта-Наука, 2007.- 592 с.

Стернин И.А. Анализ скрытых смыслов в тексте. – Воронеж : «Истоки», 2011. - 67 с.

Стернин И.А., Рудакова А.В. Психолингвистическое значение и его описание. Теоретические проблемы. – Lambert Academic Publishing: Saarbrücken, 2011. - 192 с.

Цена слова. Из практики лингвистических экспертиз текстов СМИ в судебных процессах по защите чести, достоинства и деловой репутации». / Под ред. проф. М.В.Горбаневского.- Изд.3, испр. и доп. - М.: «Галерея», 2002.

Текст. Дискурс. Картина мира.
- Вып.8. – Воронеж: «Истоки», 2012. –С. 38-48.